

Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны

Автор:

Уильям Блум

Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны

Уильям Блум

Реальная политика

«Убийство демократии» американского историка-исследователя Уильяма Блума – это наиболее полное описание инструментария открытой и скрытой деятельности американских внешнеполитических ведомств и спецслужб. Четкий исторический анализ 56 открытых и тайных вмешательств США в годы холодной войны доказательно демонстрирует глобальный масштаб американской агрессии и жестокую изощренность исполнения в каждом конкретном случае. Блум доказывает, что Соединенные Штаты, вопреки их риторике и общепринятому мнению, занимались отнюдь не продвижением демократии. Наоборот, в одном государстве за другим, методично и безжалостно, напрямую и руками наемников, США уничтожали неугодные им мнения, движения, партии, людей, чтобы привести к власти своих ставленников. Изобилующая деталями и ссылками, книга Блума – это настоящий учебник по внешней политике США, который должен стоять под № 1 в списке литературы любого человека, имеющего отношение как к внешней, так и внутренней политике в России. Если вы хотите понимать, что происходит на шахматной доске мировой политики, вы обязаны знать, как разыгрывались подобные партии в прошлом. Знание истории освещает понимание настоящего и прогнозирование будущего.

Уильям Блум

Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны

William BLUM

Killing Hope: US Military and CIA Interventions Since World War II

Об авторе

Уильям Блум (William Blum, род. 1933) – американский автор, историк-исследователь, активист, критик внешней политики США.

Он ушел из Государственного департамента США в 1967 году, отказавшись от госслужбы из-за несогласия с действиями США во Вьетнаме.

После увольнения основал и возглавил Washington Free Press – первую газету в Вашингтоне, содержание которой шло вразрез с официальными позициями США.

В 1969 году он написал и опубликовал материалы о ЦРУ, в которых раскрыл имена и адреса более чем двухсот кадровых сотрудников Управления.

Работал в качестве журналиста-фрилансера в США, Европе и Южной Америке. Во время пребывания в Чили в 1972–1973 годах писал о «социалистическом эксперименте» правительства Альенде и его падении в результате разработанного ЦРУ переворота. События в Чили вызвали чувство личной причастности и еще более укрепили интерес к деятельности правительства США в разных концах света.

В середине 1970-х в Лондоне работал вместе с бывшим сотрудником ЦРУ Филипом Эйджи (Philip Agee) и его коллегами в рамках проекта по разоблачению преступлений ЦРУ.

В конце 1980-х Уильям Блум переехал в Лос-Анджелес, где написал несколько сценариев. Эти сценарии не были реализованы, поскольку речь в них шла о том, что не укладывалось в головах голливудских деятелей: об идеях и их последствиях.

В 1999 году получил премию проекта «Цензурированный» (Project Censored – премия за журналистские расследования калифорнийского университета Сонома) за «достойную подражания журналистскую работу». Премия была присуждена за статью о предоставлении Соединенными Штатами Ираку материалов для развития химического и биологического оружия в 1980-х; эта статья вошла в десятку наиболее цензурированных текстов в 1988 году.

В настоящее время живет и работает в Вашингтоне. Занимается написанием книг и ежемесячного «Антиимперского доклада» (The Anti-Empire Report).

Уильям Блум – автор ряда известных книг:

America's Deadliest Export: Democracy. The Truth about US Foreign Policy and Everything Else, 2013.

Killing Hope: US Military and CIA Interventions Since World War II, 1995, 2004. Rogue State: A Guide to the World's Only Superpower, 2005.

Freeing the world to death: Essays on the American Empire, 2004.

West-Bloc Dissident: A Cold War Memoir, 2002.

The CIA: A Forgotten History, 1986.

Сайт: [битая ссылка] www.killinghope.org

Предисловие от российских издателей

«Убийство демократии» Уильяма Блума – одна из тех редких работ, которые формируют мировоззрение человека и навсегда остаются в сознании.

Книга поражает даже тех людей, которые неплохо разбираются в истинных целях и методах внешней политики Соединенных Штатов. Четкий анализ 56 тайных и открытых вмешательств США в годы холодной войны, доказательно

демонстрирующий глобальный масштаб американской агрессии и жестокую изощренность исполнения в каждом конкретном случае, наносит такой удар по иллюзиям и предвзятым идеям о политических процессах в мире, что после этого уже невозможно мыслить и действовать как раньше.

«Убийство демократии» доказывает, что Соединенные Штаты, вопреки их риторике и общепринятому мнению, занимались отнюдь не продвижением демократии. Наоборот, в одном государстве за другим, методично и безжалостно, напрямую и руками наемников, США уничтожали негодные им мнения, движения, партии, людей, чтобы привести к власти своих ставленников, готовых обслуживать американские интересы. Ни одно государство, которое в XX веке попыталось взять независимый курс и провести прогрессивные реформы в интересах своего народа, не избежало безжалостного американского вмешательства. Уильям Блум приводит неумолимую статистику: с 1945 по 2003 год Соединенные Штаты пытались свергнуть правительства более чем в 40 государствах, подавили более 30 народно-патриотических движений, боровшихся против диктаторских режимов, нанесли бомбовые удары по 25 странам; в результате погибло несколько миллионов человек, и еще миллионы были обречены жить в агонии и отчаянии.

В советскую эпоху любое стремление к независимости в Вашингтоне называли «коммунизмом». Уильям Блум, однако, показывает, что «советская экспансия» и «коммунизм» в подавляющем числе случаев служили лишь предлогом для американского вмешательства. Независимость и левые устремления, пишет автор, отнюдь не были навязаны Советским Союзом, а являлись инициативой народов многих государств – в некоторых случаях СССР помогал, но чаще нет.

В начале 2000-х на смену «коммунизму» в качестве предлога для агрессии пришел терроризм. А те государства, которым такую угрозу не припишешь, как России, становятся объектами жесткого политического давления по линии «отсутствия демократии» и «нарушений прав человека».

Книга

Блума – это учебник по истинной внешней политике США. Это также наиболее полное описание инструментария открытой и скрытой деятельности американских внешнеполитических ведомств и спецслужб: от запуска воздушных шаров с пропагандистскими листовками и подделки талонов на еду с

целью вызвать дефицит и недовольство населения до террористических актов «под чужим флагом» и открытых бомбардировок «агентом оранж».

Изначально антикоммунист, мечтавший о государственной службе, Уильям Блум, по его словам, потерял иллюзии об американской «демократии» в ходе Вьетнамской войны. В 1960-е он работал в Государственном департаменте США и изнутри увидел, что такое американская внешняя политика. В результате его миссией стало стремление «если не свернуть, то хотя бы остановить экспансию американской империи, которая причиняет столько страданий всему миру». Блум не стал коммунистом, он даже не был приверженцем советского строя; он исследует интервенции США с позиции честного историка и защитника истинной демократии как волеизъявления народа. При этом автор не только блестящий аналитик и глубокий историк, он также и известнейший активист, один из лидеров протеста против имперской политики США. Уильям Блум выступает на стороне независимости и самоопределения народов, социального прогресса и справедливости. Он верит в народ, верит в его способность выбрать правильный для себя путь и добиться успеха – если на его пути не окажутся поставленные Вашингтоном диктаторы, полицейские режимы и эскадроны смерти.

Книга Блума чрезвычайно актуальна сегодня. С разрушением Советского Союза США не изменили целенаправленного – американская внешняя политика стала еще более агрессивной в отсутствии сдерживающего фактора. Теперь они могли безнаказанно бомбить Югославию и Ливию. В Сирии в 1957–1958 годах, как пишет Блум, переворот был организован подпольными методами, а сегодня США в открытую вооружают и обеспечивают боевую подготовку террористов в рамках силовой «смены режима». В Иране в 1953 году ЦРУ вместе с британскими спецслужбами свергли демократически избранного премьер-министра Мосаддыка и сегодня используют полную батарею политических, экономических, военных и подрывных методов против иранского руководства. Проблеме Каддафи, после 40 лет непрерывных американских атак, в марте 2011 года было найдено уникальное по своей жестокости и лицемерию «окончательное решение». Что касается Латинской и Центральной Америки, то государства этого региона, который США уже два века считают своим «задним двором», ни на год не сходили с оперативной карты открытых и секретных операций США.

О сегодняшних американских операциях в силу их засекреченности мы можем знать не все. Но прошлые вмешательства, теперь детально описанные, наглядно показывают тактику, подходы, методы и модели поведения американской

империи. Единственное, что меняется со временем, это технологическое обеспечение процесса – сегодня появились интернет и социальные сети.

«Убийство демократии» – третья книга в серии «Реальная политика», инициированной Институтом внешнеполитических исследований и инициатив. В этой серии мы публикуем ключевые издания западных авторов, раскрывающих подлинную, реальную политику США и их союзников – в противоположность той пропагандистской версии, которую нам подают из Вашингтона и проамериканских «гнезд» в России. Эти книги – настоящие учебники по политике Соединенных Штатов, американскому видению мира и средствам реализации этого видения. Это базовая информация, без которой невозможно обрести истинное понимание того, что происходило и происходит в мире. Если вы хотите сесть за пресловутую шахматную доску, вы обязаны знать, как разыгрывались подобные партии в прошлом. Знание истории освещает понимание настоящего и прогнозирование будущего.

Вероника Крашенинникова,

генеральный директор

Института внешнеполитических исследований и инициатив (ИНВИССИН)

Уильям Блум к российским читателям

Враждебность США к России после холодной войны

Были ли когда-нибудь стоящие основания верить, что конец холодной войны явит лучший, более безопасный мир? Большинство населения планеты имело все основания расценивать происшедшие исторические события в положительном свете. Американскому народу были обещаны различные блага, которые последуют за окончанием холодной войны. Триллионы долларов могли бы тратиться на нужды людей вместо военных приготовлений. С окончанием «коммунистической опасности» и «коммунистической угрозы» противостояние между США и Советским Союзом, которое пагубно охватывало весь третий мир,

должно было кануть в Лету.

Но этого не случилось, и никаких благ американский народ, конечно же, не получил. Военный бюджет США продолжал покорять космические вершины (образно и буквально), в то время как десятки миллионов американцев продолжали жить в постоянной нищете. Что же произошло на самом деле?

Главное, что случилось, – раскрылась настоящая сущность холодной войны. Холодная война была битвой Соединенных Штатов не только против Советского Союза. Это была битва Соединенных Штатов против стран третьего мира.

Америка отправилась во всемирный крестовый поход не для того, чтобы остановить советскую экспансию. Этот всемирный крестовый поход Америки ставил целью блокировать политические и социальные изменения, предпринятые народами третьего мира, которые не устраивали американскую правящую элиту.

Это не было благородным движением свободы и демократии против коммунистического тоталитаризма. Это было глубоко циничное движение Вашингтона в поддержку многочисленных диктаторов, защищавших американские капиталистические интересы в своих странах.

Советского Союза больше не существует. Его бывшие республики и союзники теперь независимые государства. Россия больше не является социалистической страной. У Америки больше нет оснований опасаться «международного коммунистического заговора». Однако Соединенные Штаты по-прежнему занимают активную враждебную позицию по отношению к России, окружая ее силами НАТО, системами ПРО, различными военными базами. Что же происходит?

Незыблемым осталось одно – одержимая решимость США доминировать в мире.

Но Россия остается сильной. Она обладает крупнейшим по величине ядерным арсеналом в мире и многочисленными системами доставки боеголовок. У России самые крупные в мире запасы нефти и газа. Россия высокоразвитая страна. Семьдесят лет холодной войны научили русских преодолевать благоговейный страх перед мифической Америкой. Какая другая ненатовская держава может стать таким мощным барьером против американской гегемонии в мире, как

Россия? Только Китай, и сегодня Соединенные Штаты также окружают его и бросают ему вызов.

В годы холодной войны, прежде чем запустить интервенцию против какой-либо страны в третьем мире, вашингтонские политики всегда должны были учитывать реакцию Советского Союза. Позиция СССР часто была единственным препятствием на пути «естественного права» Америки править в мире. Распад Советского Союза снял это препятствие. Вашингтон убежден, что ни Россия, ни Китай никогда не смогут вновь достичь того могущества, чтобы снова править в мире.

Предисловие

Краткая история холодной войны и антикоммунизма

Страх перед тем, что коммунизм может в один прекрасный день захватить большую часть мира, зашорил нас настолько, что мы не видим того, как антикоммунизм уже сделал это.

Майкл Паренти (Michael Parenti) [1]

Однажды, еще в самом начале боевых действий во Вьетнаме, один офицер-вьетконговец задал вопрос пленному американскому военнослужащему: «После войны мы считали вас героями. Мы читали американские книги, смотрели американские фильмы, и обычным желанием вьетнамца в то время было «стать таким же богатым и ловким, как американец». Что же произошло?» [2]

Десятьлет до этого подобный вопрос мог задать американцу житель Гватемалы, Индонезии, Кубы или же уругваец, чилиец и грек десятилетие спустя.

Доброжелательное отношение и доверие, которые питали к Соединенным Штатам народы других стран в конце Второй мировой войны, исчезали с каждой новой интервенцией, государство за государством отворачивались от них. Шанс построить разоренный войной мир заново, заложить основы мирной жизни, процветания и справедливости рухнул под тяжким грузом антикоммунизма.

Этот груз накапливался исподволь, на самом деле с первого дня русской революции. Летом 1918 года американские войска численностью около 13 тыс. человек вторглись на территорию молодой Советской России. Два года спустя, потеряв тысячи солдат и офицеров, американцы убралась восвосяи, так и не выполнив своей миссии, состоявшей в том, чтобы «задушить большевистское государство в колыбели», как выразился Уинстон Черчилль.

В то время молодой еще Черчилль был военным министром и министром королевского военно-воздушного флота. Именно ему принадлежит главная роль одного из организаторов вторжения союзников (Великобритании, США, Франции, Японии и некоторых других стран) в Советскую Россию, войска которых выступили на стороне контрреволюционной Белой гвардии. Годы спустя Черчилль – уже как историк – написал о той редчайшей афере следующие строки в своих мемуарах, оставленных для потомков: [3]

«Находились ли они (союзники) в состоянии войны с Россией? Разумеется, нет; но советских людей они убивали без разбора. Они были захватчиками на русской земле. Они вооружали врагов советской власти. Они блокировали порты России и топили ее боевые корабли. Они деятельно желали ей гибели и составляли планы по ее свержению. Но война – это же ужасно! Интервенция – это же позор! Им совершенно все равно, твердили они, как русские решают свои внутренние дела. Они были совершенно непредвзяты... стреляя!» (4)

Что же было такого в большевистской революции, если она так встревожила самые мощные державы мира? Что заставило их вторгнуться в страну, чья армия сражалась более трех лет в союзе с ними и понесла больше потерь, чем любое другое государство во время мировой войны?

Большевики осмелились заключить сепаратный мир с Германией, чтобы выйти из войны, которую считали империалистической и ни в коем случае не своей, и попытались восстановить изнуренную и опустошенную Россию. Но большевики пошли дальше этого и вознамерились свергнуть феодальнокапиталистическую систему, провозгласив первое в истории человечества социалистическое государство, а это была уже наглость, не имеющая границ. Это было преступлением, за которое полагалось наказание, это был вирус, который подлежал уничтожению: иначе он заразит и их народы. Вторжение не достигло своей непосредственной цели, однако его последствия оказались глубокими, и

они ощущаются по сей день. Профессор Университета Вандербильта (Vanderbilt University) Д. Ф. Флеминг (D. F. Fleming), историк холодной войны, отмечал:

«Для американского народа интервенция в Россию отнюдь не являлась трагедией космического масштаба – скорее, это был незначительный инцидент, давно забытый. Для народов же Советской России и их руководителей это время, наоборот, было периодом бесконечных убийств, мародерства и грабежей, болезней и голода, нескончаемых страданий десятков миллионов людей – трагедией, которая намертво врезалась в сознание нации, которая не будет забыта многими и многими поколениями, если вообще будет забыта когда-либо. И жестко регламентированная жизнь советских людей в течение многих лет может быть оправдана целиком их страхом перед тем, что капиталистические державы однажды вернутся, чтобы завершить свое дело. Поэтому не удивительно, что в своем обращении 17 сентября 1955 года в Нью-Йорке Председатель Совмина СССР Хрущев вдруг напомнил нам об интервенции, «времени, когда вы послали войска, чтобы задушить революцию», как он выразился» [5].

В докладе, опубликованном Пентагоном в 1920 году и посвященном этому вмешательству, являющимся дурным предзнаменованием бесчувственности сверхдержавы к проблемам других народов, читаем: «Эта экспедиция представляет собой прекрасный пример помощи народу, борющемуся за новую свободу в череде благородных, бескорыстных действий при очень трудных обстоятельствах»[6].

История не показала нам, как бы выглядел Советский Союз, если бы ему было позволено развиваться «нормальным» путем – путем, который он выбрал сам. Однако мы хорошо знаем суть того Советского Союза, который пережил вторжение уже на стадии становления, поднялся один в изоляции, находясь во враждебном окружении, а когда смог выжить и достичь зрелости, подвергся нападению со стороны военной машины нацистов с благословения западных держав. Как результат, незащищенность и страх перед внешней агрессией неизбежно привели к деформации характера народа подобно тому, как это происходит с отдельным человеком, выросшим в схожих условиях, когда его жизнь подвергается опасности.

Нам, живущим на Западе, не позволяют забывать политические недостатки (реальные и мнимые) Советского Союза, но в то же время никогда не напоминают о том, что скрывается за этими недостатками.

Антикоммунистическая пропагандистская кампания началась даже раньше, чем интервенция. Еще не закончился 1918 год, а выражения: «красная опасность», «большевики атакуют цивилизацию», «красные являются угрозой для всего мира» уже пестрели на страницах газеты «Нью-Йорк таймс».

В феврале и марте 1919 года Юридический подкомитет Сената США проводил слушания, на которых рассматривались «ужасы, творимые большевиками». Характер некоторых показаний можно по достоинству оценить, просмотрев заголовки номера обычно сдержанной и уравновешенной газеты «Нью-Йорк таймс» от 12 февраля 1919 года:

УЖАСЫ, ТВОРЯЩИЕСЯ ПОД ВЛАСТЬЮ КРАСНЫХ. Р. Э. СИМОНС (R. E. SIMONS) И У. У. УЭЛШ (W. W. WELSH) РАССКАЗАЛИ СЕНАТОРАМ О ЖЕСТОКОСТЯХ БОЛЬШЕВИКОВ – ОНИ РАЗДЕВАЮТ ЖЕНЩИН НА УЛИЦАХ – ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВСЕХ КЛАССОВ, КРОМЕ ОТЪЯВЛЕННЫХ ПОДОНКОВ, ПОДВЕРГАЮТСЯ НАСИЛИЮ СО СТОРОНЫ ЧЕРНИ.

Историк Фредерик Льюис Шуман (Frederic Lewis Schuman) писал: «Конечным итогом этих слушаний... стало то, что Советскую Россию начали изображать как некое подобие сумасшедшего дома, населенного бесправными рабами, находящимися полностью во власти шайки маньяков-убийц, имеющих целью разрушить устои цивилизации и вернуть народ назад в варварство» [7].

Ни одну историю о большевиках не считали слишком надуманной, невероятной, гротескной или извращенной, чтобы ее не напечатать, чтобы не верить ей: начиная от национализации женщин и кончая пожиранием младенцев (кстати, в этом язычники обвиняли ранних христиан, да и евреи выслушивали подобные обвинения в Средние века). Истории с жуткими подробностями о женщинах, ставших государственной собственностью и обязанных принудительно вступать в брак, рассказы о «свободной любви» и т. д. «передавались на всю страну по тысячам каналов», писал Шуман, «и они, наверное, сделали больше, чем все остальное, – для того чтобы создать в сознании американских граждан штамп о коммунистах, как о преступниках-извращенцах» [8]. Подобные сказки имели широкое хождение даже после того, как госдеп был вынужден официально

объявить их все фальшивками. (О том, что советские люди едят своих детей, рассказывали членам политической организации «Общество Джона Берча» (John Birch Society) на их занятиях, по крайней мере, до 1978 года) [9].

К концу 1919 года, когда поражение союзников и Белой гвардии уже было весьма вероятным, газета «Нью-Йорк таймс» потчевала своих читателей статьями под следующими заголовками:

30 декабря 1919 г. – «Красные стремятся к войне с Америкой».

9 января 1920 г. – «Официальные круги считают большевистскую угрозу на Ближнем Востоке крайне опасной».

11 января 1920 г. – «Официальные лица и дипломаты союзных стран полагают, что вторжение в Европу возможно».

13 января 1920 г. – «Дипломатические круги союзных стран боятся вторжения в Персию».

16 января 1920 г. – заголовок на первой полосе шириной в восемь колонок: «Британии грозит война с красными. Она созывает заседание совета в Париже». «Хорошо информированные дипломаты ожидают военного вторжения в Европу и наступления Советов в Юго-Восточной Азии». На следующее утро, однако, новое сообщение: «Никакой войны с Россией. Союзники готовы с ней торговать».

7 февраля 1920 г. – «Красные собирают армию для нападения на Индию».

11 февраля 1920 г. – «Угроза вторжения большевиков на территорию Японии».

Читателям «Нью-Йорк таймс» предлагали поверить в то, что угроза вторжения исходит от страны, разрушенной так, как немногие другие государства в истории человечества были разрушены; от страны, все еще пытающейся оправиться от ужасов Первой мировой войны, страдающей от хаоса, вызванного только что завершившейся коренной социальной революцией невиданного доселе масштаба, и ввергнутой в жестокую гражданскую войну против сил, пользующихся поддержкой ведущих держав мира. Промышленность этой

страны, и ранее не считавшаяся передовой, лежит в руинах, а народ находится в тисках голода, который, прежде чем закончиться, унесет еще многие миллионы человеческих жизней.

В 1920 году журнал «Нью рипаблик» (The New Republic) представил подробный анализ новостных репортажей «Нью-Йорк таймс», посвященных российской революции и интервенции. Среди всего прочего журнал отметил, что в течение двух лет после Октябрьской революции 1917 года «Нью-Йорк таймс» не менее 91 раза заявляла, что «Советы либо уже приближаются к виселице, либо уже нашли свой конец» [10].

Если реальность представляла такой на страницах столь «уважаемого» издания, можно себе представить, каким дьявольским варевом потчевали своих читателей другие американские газеты.

Таковым было первое знакомство американского народа тогда с новым феноменом, появившимся в мире, так сказать, первой лекцией о сущности Советского Союза и штуке под названием «коммунизм». Студенты так и не оправились после этого урока, впрочем, как и сам Советский Союз.

Военная интервенция завершилась, однако агрессивная пропаганда никогда не прекращалась, за полным или частичным исключением периода Второй мировой войны. В 1943 году журнал Life посвятил целый выпуск достижениям Советского Союза, явно выйдя за рамки того, чего требовала солидарность военного времени; издание зашло так далеко, что назвало Ленина, «возможно, самым великим человеком современности» [11]. Однако два года спустя, когда в Белом доме уже находился Гарри Трумэн (Harry Truman), такое выражение братских чувств вряд ли имело шанс на успех. В конце концов, именно Трумэн был тем человеком, который заявил через день после вторжения нацистов на территорию СССР: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы должны будем помогать России, а если начнет побеждать Россия, мы должны будем помогать Германии, и пусть они убивают друг друга как можно больше, хотя я не желаю победы Гитлера ни при каких обстоятельствах» [12].

Поводом для пропагандистской шумихи стал и советско-германский пакт 1939 года, хотя ее авторы полностью проигнорировали тот факт, что русские были вынуждены заключить его из-за неоднократного отказа западных стран, особенно США и Великобритании, объединить свои усилия с Москвой и выступить против Гитлера единым фронтом [13], также как и отказ прийти на

помощь ориентирующемуся на социализм правительству Испании, которое боролось с агрессией немецких, итальянских и испанских фашистов начиная с 1936 года. Сталин прекрасно осознавал, что если Запад не защитит Испанию, то, конечно, не спасет и Советский Союз.

Начиная с «красной угрозы», о которой кричали в 1920-х, в эпоху маккартизма, свирепствовавшего в 1950-е, и вплоть до «крестового похода против империи зла», объявленного Рейганом в 1980-х, американский народ неустанно подвергался регулярным инъекциям антикоммунизма. Американцы впитывают подобные идеи с молоком матери, черпают их из книг, комиксов и школьных учебников. Об этом кричат заголовки ежедневных газет, которые рассказывают гражданам обо всем, что те должны знать, то же самое проповедуют министры, вторят политики в своих предвыборных выступлениях, а на этом всем делает деньги журнал «Ридерс дайджест» (Reader's Digest).

В результате такой вероломной атаки на сознание граждан растет глубокое убеждение в том, что на мир было ниспослано ужасное проклятие, может быть, самим дьяволом, но в образе людей, и мотивы этих людей далеки от нужд, умения, чувств и морали обычного человека, который управляет себе подобными; они вовлечены в чрезвычайно хитрый международный заговор, имеющий целью захватить весь мир и поработить его, руководствуясь не вполне понятными причинами, хотя зло не нуждается в других мотивах, кроме желания творить зло. Более того, любое заявление этих людей о том, что они являются разумными человеческими существами, стремящимися сделать мир и общество лучше, – есть притворство и обман с целью ввести в заблуждение других и прикрыть их коварство; репрессии и жестокости, творившиеся в Советском Союзе, представляют собой свидетельство полной несостоятельности добродетели и дьявольских намерений этих людей, в какой бы стране они ни находились и как бы они сами себя ни называли; и – что самое важное – единственная альтернатива, открытая для каждого в Соединенных Штатах, это возможность выбирать исключительно между американским образом жизни и образом жизни советским, и ничего между ними и за пределами этого пути построения мирового порядка не существует.

Примерно так все это видится простым гражданам США. Между тем и образованные, умудренные опытом люди, если копнуть поглубже и посмотреть, что скрывается за их внешней ученостью, оказывается, думают точно так же.

Для человека, выросшего в Соединенных Штатах, истинность антикоммунизма является сама собой разумеющейся, – как когда-то не вызывало никаких сомнений утверждение, что земля плоская, или как русский народ верил в виновность жертв сталинских чисток, искренне считая их изменниками Родины.

Чтобы понять превратности американской внешней политики после Второй мировой войны, необходимо учитывать предшествующую часть американской истории. Особенно это касается того вклада – как видно из этой книги, – что привнесли американские вооруженные силы, ЦРУ и другие ветви власти народам мира.

В 1918 году американским финансовым кругам не требовалось иных причин для того, чтобы развязать войну против коммунизма, кроме угрозы их богатствам и привилегиям – правда, их враждебность тогда выражалась лишь в терминах морального негодования.

В период между двумя мировыми войнами американская «дипломатия канонерок» действовала в Карибском море, чтобы сделать это «американское озеро» безопасным для судеб компаний «Юнайтед фрут» (United Fruit) и «W. R. Grace & Co.» и одновременно предупредить большевистскую угрозу, выраженную в действиях таких людей, как никарагуанский повстанец Аугусто Сандино.

К концу Второй мировой войны каждый американец старше сорока лет прожил приблизительно 25 лет в условиях облучения антикоммунистической истерией – период, достаточный для развития злокачественных образований. Антикоммунизм породил собственную модель жизни, независимую от ее капиталистического «родителя». Вашингтонские политики и дипломаты средних лет в послевоенный период все чаще и чаще рассматривали весь мир как состоящий из «коммунистов» и «антикоммунистов», а не из наций, движений или отдельных индивидуумов. Это видение мира, похожее на комикс с праведными американскими суперменами, борющимися везде с коммунистическим злом, превратилось из циничных пропагандистских упражнений в моральный долг американской внешней политики.

Даже концепция «третьего пути», подразумевающая некоторую степень нейтралитета, получила только скудную легитимность в этой парадигме. Джон Фостер Даллес (John Foster Dulles), один из главных архитекторов послевоенной американской внешней политики, кратко выразил это с присутствующим ему

морализмом: «Для нас существуют два типа людей в мире: есть христиане, поддерживающие свободное предпринимательство, и все остальные» [14]. Как подтверждают некоторые тематические исследования в данной книге, Даллес воплотил свое кредо в твердую практику.

Слово «коммунист» (как и «марксист») было настолько затаскано и извращено американскими руководителями и СМ И, что потеряло свой фактический первоначальный смысл. Но ведь даже простое наличие названия чего-то – ведьм или летающих тарелок – предполагает определенную веру в его существование.

В то же время американскую общественность, как мы увидели, основательно натренировали, чтобы она реагировала на этот термин, словно «собаки Павлова» на звук: он, «коммунизм», означал и худшие беззакония сталинской эпохи – от массовых репрессий до сибирских гулаговских лагерей; он означал, как заметил Майкл Пэренти (Michael Parenti), что «классические марксистско-ленинские прогнозы [относительно мировой революции] рассматриваются в качестве заявок на практические действия современного коммунизма» [15]. Это означало «мы» против «них».

Среди «них» мог быть филиппинский крестьянин, никарагуанский граффитчик, законно избранный премьер-министр в Британской Гвиане или европейский интеллектуал. Среди «них» мог оказаться камбоджийский сторонник «третьего пути» или африканский националист – все они были каким-то образом частью единого заговора, каждый из «них» в некотором роде оказывался угрозой американскому образу жизни; любая страна, даже маленькая, очень бедная или расположенная слишком далеко, все равно представляла угрозу, «коммунистическую угрозу».

События, описанные в этой книге, ярко демонстрируют, что для агрессоров никогда не было по-настоящему важно, называли себя какие-то люди, политические партии, общественные движения или правительства «коммунистами» или нет. Не имело никакого значения – были они специалистами по диалектическому материализму или же никогда не слышали о Карле Марксе; были они атеистами или священниками; была сильная и влиятельная коммунистическая партия на политической арене или нет; пришло правительство к власти путем кровавой революции или же мирных выборов. Все были целями, все были «коммунистами».

Еще меньшее значение в этой картине мира имело присутствие советского КГБ. Часто озвучивалось утверждение, что ЦРУ выполняет свои грязные трюки в основном как ответ на операции КГБ, которые были «еще более грязными». Это чистейший обман. Возможно, и были отдельные случаи такого рода в ходе деятельности ЦРУ, но они остались тайной. Отношения между двумя зловещими агентствами отмечены более глубокими дружбой и уважением к коллегам-профессионалам, чем рукопашная схватка. Бывший сотрудник ЦРУ Джон Стоквелл (John Stockwell) написал:

«На самом деле в ходе большинства рутинных операций оперативные сотрудники больше опасались американского посла и его сотрудников, сдерживающих действия штаба, и еще любопытных, сплетничающих местных жителей, которые могли стать угрозой для операций. Тогда прибыла бы местная полиция, за ней и пресса. Последними из всех было КГБ, за мои 12 лет службы я никогда не видел или не слышал о ситуации, в которую бы КГБ вмешивался или затруднял какую-либо операцию ЦРУ» [16].

Стоквелл добавляет, что различные разведывательные службы не хотят «усложнять» жизнь, убивая друг друга:

«Так не поступают. Если у оперативного сотрудника ЦРУ вдруг темной ночью на пустынной дороге спустится шина, он без смущения примет предложение подвезти его от сотрудника КГБ, и, вероятно, эти двое еще заедут в какой-нибудь бар, чтобы вместе выпить. Фактически работники ЦРУ и КГБ частенько приглашали друг друга в гости домой. В архивах ЦРУ полно упоминаний о таких отношениях почти на каждом Африканском участке» [17].

Сторонники теории «борьбы огня с огнем» временами схлестываются и утверждают, что если КГБ, например, приложил руку к свержению правительства Чехословакии в 1968 году, то для ЦРУ вполне приемлемо приложить руку к свержению правительства Чили в 1973 году. Якобы уничтожением демократии КГБ вносит денежные средства на банковский счет, с которого затем ЦРУ оправданно может их снять.

Что же тогда связывало различные объекты американской агрессии, что вызывало гнев, а то и грохот пушек самой могущественной страны в мире? Фактически в каждом из случаев, касающихся стран третьего мира, описанных в этой книге, это была в той или иной форме политика «самоопределения»: желание, рожденное необходимостью и принципом, следовать независимым от целей внешней политики США путем развития. Обычно это прослеживалось в: а) стремлении освободить себя от экономической и политической зависимости от США; б) отказе свести на нет отношения с социалистическим блоком, отказе от подавления «левых» у себя дома или отказе от размещения американских военных баз на своей территории – короче говоря, отказе быть пешкой в холодной войне; в) попытке переделать или заменить правительство, которое не придерживалось ни одного из этих направлений, правительством, поддерживаемым Америкой.

Такая политика независимости проявлялась в деятельности многочисленных лидеров и революционеров третьего мира, при этом на нее нельзя навешивать ярлык «прокоммунистической» или «антиамериканской», их позиция была простым проявлением нейтралитета или неприсоединения к той или иной сверхдержаве. Однако, как мы увидим, США не были готовы мириться с таким положением вещей. Арбенс в Гватемале, Мосаддык в Иране, Сукарно в Индонезии, Нкрума в Гане, Джаган в Британской Гвиане, Сианук в Камбодже... – все они, настаивал Дядя Сэм, должны однозначно занять сторону «свободного мира» или ответить за последствия отказа. Случай отказа от неприсоединения Нкрума (Nkrumah) описал следующим образом:

«Суть эксперимента, который мы предприняли в Гане, состоял в том, чтобы развивать страну, сотрудничая со всем миром как единым целым. Неприсоединение означало именно то, что и должно означать это слово. По сравнению с правительствами старых колониальных держав мы не были враждебны странам социалистического мира. Следует напомнить, что в то время как у себя дома британская метрополия следовала курсу сосуществования с Советским Союзом, британским колониальным территориям никогда это не позволялось делать. Книжки по социализму, которые публиковались и находились в свободном доступе в Великобритании, были запрещены в британской колониальной империи, и после того как Гана стала независимой, за границей предполагали, что страна продолжит следовать тем же самым сдерживающим идеологическим методам. Когда же мы повели себя так же, как и британцы в отношениях с социалистическими странами, нас обвинили в том, что ведем

просоветский курс и несем самые опасные идеи в Африку» [18].

Это напоминает о событиях Американского юга XIX столетия, когда множество жителей южных штатов были обижены до глубины души, что такое большое количество их темнокожих рабов сбежало в ходе гражданской войны на сторону северян. Они действительно полагали, что черные должны были быть благодарны за все то, что их белые хозяева сделали для них, и что они были счастливы и довольны своей судьбой. Знаменитый хирург и психолог из штата Луизиана доктор Сэмюэль А. Картрайт (Samuel A. Cartwright) вполне серьезно утверждал, что многие рабы пострадали от формы психического заболевания, которое он назвал «драпетомания», симптомом чего было не поддающееся контролю стремление сбежать из рабства. Во второй половине XX века эта болезнь в странах третьего мира обычно называлась «коммунизмом».

Возможно, наиболее укоренившимся антикоммунистическим предрассудком стала убежденность в том, что Советский Союз (или Куба, или Вьетнам и т. д., действующие как суррогат Москвы) – это тайная сила, скрывающаяся за фасадом самоопределения, но имеющая целью разбудить гидру революции или просто устроить беспорядок – здесь и там, везде, где только можно; еще одно воплощение, правда, в намного большем масштабе, пресловутого «внешнего врага», который регулярно появляется на протяжении всей истории. Король Георг обвинял французов в подстрекательстве американских колоний к восстанию; разочарованные американские землевладельцы и ветераны боевых действий, протестующие против своего тягостного экономического положения после революции (восстание Шейса), клеймились как британские агенты, стремящиеся разрушить новую республику; трудовые забастовки в конце XIX века в Америке являлись рукой «анархистов» и «иноземцев», во время Первой мировой войны – «немецких агентов», после войны – «большевиков».

А в 1960-х американская «Национальная комиссия по причинам и предотвращению насилия» заявила, что Джон Эдгар Гувер (J. Edgar Hoover) «смог навязать полиции убеждение, что массовые протесты любого вида являются следствием распространения тайных заговоров агитаторами, обычно коммунистами, «которые дезориентируют думающих иначе людей» [19].

Последняя ключевая мысль, которая раскрывает сущность конспирологического менталитета людей, пребывающих во власти, – это идея о том, что никакой народ, за исключением того, кто живет под властью врага, не может быть столь

несчастливым и недовольным, чтобы прибегать к революции или массовым протестам; это – исключительно агитация внешних сил, которые сбивают всех с истинного пути.

Таким образом, если бы Рональд Рейган допустил, что у народа Сальвадора есть серьезные основания для протестов против своего ужасного существования, это поставило бы под вопрос его обвинения Советского Союза (и только его ли?) в том, что именно он со своими кубинскими и никарагуанскими союзниками является главным, кто подстрекает сальвадорцев: мол, это везде – магическая сила коммунистов, которая легким движением «красной руки» превращает мирных, счастливых людей в яростных партизан. И это поставило бы под вопрос и целесообразность американского вмешательства. ЦРУ прекрасно известно, насколько это сложный трюк. ЦРУ, как мы увидим, пыталось поднять массовые восстания в Китае, на Кубе, в Советском Союзе, Албании и всюду в Восточной Европе без единого шанса на успех. Сотрудники Управления возложили вину за эти неудачи на «закрытый» характер обществ, вовлеченных в эти события. Но в некоммунистических странах ЦРУ вынуждено было прибегать к военным переворотам или иным уловкам, чтобы поставить у руля своих людей. ЦРУ ни разу не смогло разжечь пламя народной революции.

Если уж считать благом вмешательство Вашингтона в революционные процессы третьего мира, то имеет смысл задать вопрос: почему Соединенным Штатам, если они обязательно должны вмешиваться, не стать на сторону восставших? Это могло бы не только послужить во благо прав человека и справедливости, но и позволило бы перехватить инициативу у Советского Союза. Не будет ли это лучшим способом разрушить мировой коммунистический заговор? Но это – вопрос, который не осмеливались озвучивать в Овальном кабинете, вопрос, который имеет отношение ко многим историям в этой книге.

Вместо этого Соединенные Штаты по-прежнему остаются верными политике установления и/или поддержки самой отвратительной тирании в мире, с ее бесчинствами против своих собственных граждан, с которыми мы сталкиваемся ежедневно на страницах наших газет: зверская резня; систематические изощренные пытки; публичные порки; солдаты и полицейские, стреляющие в толпу; правительственная поддержка эскадронов смерти; десятки тысяч пропавших без вести людей; экономическая разруха... Все это стандартный «стиль жизни» практически всех союзников Америки – от Гватемалы, Чили и Сальвадора до Турции, Пакистана и Индонезии. Зато все они денно и ночью готовы к «священной войне против коммунизма», все они – страны «свободного

мира», мира, о котором мы слышим так много, а видим так мало.

Нарушения гражданских свобод, имеющие место в коммунистическом блоке, при всей их серьезности бледнеют по сравнению с доморощенными освенцимами «свободного мира»; эти нарушения не имеют никакого отношения и не идут ни в какое сравнение с разного рода американскими вмешательствами, совершаемыми якобы ради высшего блага. И только странный интеллектуальный ландшафт, заселенный закоренелыми антикоммунистами, считает по-другому.

Интересно отметить, что как для американских лидеров уже стало привычным говорить о свободе и демократии, поддерживая разного рода диктатуры, так и советские лидеры говорят о национально-освободительных войнах, антиимпериализме и антиколониализме, при этом на практике они делают слишком мало в подтверждение этих слов, что бы там по этому поводу ни говорила американская пропаганда. Советский Союз считал себя лидером стран третьего мира, но оставался безучастным зрителем, ограничиваясь лишь недовольным ворчанием, когда прогрессивные движения или даже коммунистические партии в Греции, Гватемале, Британской Гвиане, Чили, Индонезии, на Филиппинах и в других странах терпели поражение из-за натиска американцев.

В начале 1950-х годов Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США спровоцировало несколько военных вторжений в коммунистический Китай. В 1960 году самолеты ЦРУ безо всякого повода бомбили суверенное государство Гватемала. В 1973 году Управление инспирировало кровавое восстание против правительства Ирака. В американских средствах массовой информации и, соответственно, в мыслях американцев этих событий вообще не было.

Фраза «мы не знали, что происходило» стала клише для высмеивания тех немцев, которые утверждали, что не ведали о событиях, совершаемых при нацистах. Был ли действительно их дежурный ответ так неправдоподобен, как нам кажется? По трезвому размышлению следует отметить, что в нашу эру скоростных глобальных коммуникаций Соединенным Штатам во многих случаях удавалось развернуть ограниченные или крупномасштабные военные операции, предпринять другие, не менее вопиющие формы агрессии без ведома американской общественности – люди узнавали о них только несколько лет спустя, если узнавали вообще. Часто единственное упоминание о событии или участии США исходило от коммунистических правительств – тип новостей,

которые американский народ приучили отметить без обсуждения, а прессу – не развивать; точно так же немецкий народ учили, что новости из-за границы о нацистских преступлениях были не более чем коммунистической пропагандой.

За редким исключением случаи агрессии никогда не становились заголовками газет или темами вечерних теленовостей. Некоторые кусочки истории всплывали тут и там, но редко объединялись в единое целое, чтобы сформировать связную и ясную картину происходящего. Подробности обычно появляются спустя долгое время после события, спокойно похороненного среди других историй, столь же беспечно забытых. Лишь иногда они вырывались на передний план, когда это диктовалось чрезвычайными обстоятельствами: например, захват в заложники сотрудников американского посольства и других граждан США иранцами в Тегеране в 1979 году вызвал массу статей о роли Соединенных Штатов в свержении иранского правительства в 1953 году. Редакторов изданий как будто подвели к мысли: «Послушайте, что же мы такого наделали в Иране, что заставило их всех так нас ненавидеть?».

И хотя в недавнем прошлом Америки было много таких «иранов», но поскольку они не привлекли внимания «Нью-Йорк дейли» или «Лос-Анджелес таймс», не брали за шиворот американцев и не тыкали их лицом в происходящее, а NBC не связывало все это в реальную картину реальных людей для своей аудитории, – эти столкновения не стали событиями для большинства американцев, и они могут честно сказать: «Мы не знали, что происходило».

Бывший китайский премьер-министр Чжоу Эньдай (Chou En-lai) однажды подметил: «Одна из удивительных особенностей американцев – это то, что у них нет абсолютно никакой исторической памяти».

Дело, возможно, обстоит еще хуже, чем он себе представлял. Во время несчастного случая на АЭС «Три-Майл-Айленд» в Пенсильвании в 1979 году японский журналист Ацуо Канеко (Atsuo Kaneko) из японской информационной службы Киото провел несколько часов, интервьюируя людей, временно размещенных на хоккейном поле; в основном это были дети, беременные женщины и молодые матери. Он обнаружил, что никто из них не слышал о Хиросиме. Упоминание этого слова упиралось в стену непонимания [20].

Также в 1982 году судья в Окленде, штат Калифорния, сказал, что был потрясен, когда опросил приблизительно 50 будущих присяжных заседателей для суда по делу об убийстве и «никто из них не знал, кто такой Гитлер» [21].

Для внешнеполитической олигархии в Вашингтоне это больше, чем естественно. Это – неперемнное условие.

Отчеты об американском вмешательстве были столь засекречены, что в 1975 году, когда исследовательской службе библиотеки Конгресса (Congressional Research Service) поручили провести исследование всех тайных на тот момент действий ЦРУ, она смогла отыскать только очень незначительную часть заграничных инцидентов, представленных в данной книге за тот же самый период [22].

Вся эта информация, которая прорвалась в массовое сознание или в школьные тексты, энциклопедии и другие стандартные справочные издания, вполне могла быть подвергнута строгой цензуре в Соединенных Штатах.

Читателю предлагается ознакомиться с соответствующими разделами в трех основных энциклопедиях страны: «Американской» (Americana), «Британники» (Britannica) и «Кольера» (Colliers). Образ энциклопедии в качестве конечного хранителя объективных знаний терпит фиаско. Непризнание такими уважаемыми изданиями американских интервенций происходит оттого, что они позаимствовали схожий с документами Пентагона критерий, что вполне соответствует стилю вашингтонских чиновников. «Нью-Йорк таймс» обобщила это очень интересное явление таким образом:

«Тайные операции против Северного Вьетнама, например, не видны... как и нарушение Женевских соглашений 1954 года, завершивших колониальную войну Франции в Индокитае, или как противоречащая публичным заявлениям государственная политика различных министерств и ведомств. Тайные операции, в силу их засекреченности, не существуют – с позиции международных договоров и общественного мнения страны. Далее, секретные обязательства перед другими странами вовсе не рассматриваются как нарушение компетенции заключения международных договоров Сенатом, ибо эти обязательства публично не признаны» [23].

Фактическая цензура, которая оставляет так много американцев по-настоящему непросвещенными в истории иностранных дел США, может быть еще более эффективной, потому что она не является чересчур официозной, сложной или

конспирологической, так как она бесхитростно вплетается в ткань образования и СМИ. Не нужно никакого заговора. Редакторам «Сборника новостей» (Reader's Digest) и «Американских новостей и мировых сводок» (U. S. News & World Report) нет необходимости тайно встречаться с представителями «Эн-би-си» (NBC) на конспиративной квартире ФБР, чтобы запланировать сюжеты и программы следующего месяца. Истина заключается в том, что эти люди не достигли бы занимаемых ими должностей, если бы они сами не прошли по тем же туннелям закамouflированной истории, выходя оттуда с избирательной памятью и общепринятым мнением.

«Переворот в Китае – это революция, вызванная, если проанализировать, теми же причинами, что и британская, французская и американская революции» [24]. Это – космополитическое и великодушное мнение Дина Раска (Dean Rusk), тогда еще заместителя госсекретаря по дальневосточным делам, позже госсекретаря США. Когда мистер Раск говорил это в 1950 году, другие члены его правительства активно участвовали в заговоре с целью свержения китайского революционного правительства.

Это было обычным явлением. Во многих случаях, описанных далее в этой книге, можно найти высказывания вашингтонских чиновников высшего и среднего звена, которые ставят под вопрос политику вмешательства, выражают дурные предчувствия, основанные или на принципах (иногда показывая лучшие стороны американского либерализма), или на озабоченности, что вмешательство не послужит достижению достойной цели, а то и вовсе приведет к катастрофе. Я придавал мало значения таким расходящимся во мнениях заявлениям; также, в конечном счете, делали и те, кто принимал решения в Вашингтоне, которые в острой мировой обстановке разыгрывали антикоммунистические карты. Представляя в книге вмешательства США, я заявляю, что американская внешняя политика является именно тем, что она делает.

В 1993 году я столкнулся с обзором книги о людях, отрицающих реальность холокоста. Я написал автору, профессору из университета, что ее книга заставила меня задаться вопросом, знала ли она о существовании холокоста, совершенного Америкой, и что его отрицание превосходит по силе отрицание нацистского холокоста. Опровержение американского холокоста настолько широко и глубоко, что люди, отрицающие его, даже не знают о существовании несогласных с ними или их аргументах. Между тем несколько миллионов человек погибли в результате американского холокоста, еще больше были

обречены жить в нищете и муках в результате американских вмешательств, начиная от Китая и Греции в 1940-х до Афганистана и Ирака в 1990-х. Я приложил список этих вмешательств, которые, конечно же, являются главной темой этой книги.

В своем письме я также предложил обменяться экземплярами наших книг, но она написала мне, что не хочет этого делать. И это было все, что она сказала. Она не прокомментировала остальную часть письма, касающуюся отрицания американского холокоста, как бы не обратив внимания, что я поднял этот вопрос. Ирония отрицания ученым нацистского холокоста и участие в подобном опровержении американского холокоста достаточно показательны. Меня озадачило, почему хороший ученый не соизволил ответить вовсе.

Ясно, что если мои тезисы не удостоились ответа от научного человека, то в других кругах я и мои тезисы столкнулись с крутым противодействием. В 1930-х, а затем снова после войны в 1940—1950-х, антикоммунисты различных мастей в Соединенных Штатах изо всех сил старались разоблачить преступления Советского Союза, такие как массовые убийства и репрессии. Но произошла странная вещь. Истина, казалось, не имела значения. Американские коммунисты и сочувствующие продолжали поддерживать Кремль. Даже допуская преувеличение и дезинформацию, регулярно оплачиваемую антикоммунистами и вредящую их репутации, продолжительное игнорирование и/или отрицание такой ситуации американскими «левыми» просто достойны уважения.

К концу Второй мировой войны, когда победоносные союзники обнаружили немецкие концентрационные лагеря, в некоторых случаях немецких граждан из близлежащих городов привозили туда, заставляя встретиться лицом к лицу с этим учреждением, с горами трупов и все еще живыми скелетоподобными людьми; некоторые почтенные бюргеры даже были вынуждены хоронить мертвых. Каков был бы удар по американской психике, если бы заставить истинно верующих и отрицающих эти события людей посмотреть на последствия прошедшего полувека американской внешней политики? Что если бы все эти милые, аккуратные и подтянутые, здоровые американские парни, которые сбрасывали бесконечный тоннаж бомб на дюжину разных стран, на людей, о которых они ничего не знали, – словно они персонажи видеоигры – увидели бы свои мишени и понюхали бы запах горячей плоти?

Стало общепринятым мнением, что упорная жесткая антикоммунистическая политика правительства Рейгана с ее изнуряющей гонкой вооружений привела к

краху и изменению Советского Союза и его сателлитов. Американские книги по истории, возможно, уже начали высекать этот тезис в мраморе. Тори в Великобритании говорят, что Маргарет Тэтчер и ее жесткая политика также способствовали этому «чуду». Восточные немцы тоже верили в это. Когда Рональд Рейган посетил Восточный Берлин, люди приветствовали его и благодарили «за его роль в освобождении Востока». Даже многие левые аналитики, в частности те, кто был причастен к заговору, верили в это.

Но эта точка зрения не является общепризнанной; так и не должно быть. Ведущий в течение длительного времени советский эксперт по Соединенным Штатам Георгий Арбатов, директор московского Института США и Канады, написал свои мемуары в 1992 году. В рецензии его книги для «Лос-Анджелес таймс» Роберт Шир (Robert Scheer) подвел частичный итог:

«Арбатов очень хорошо понимал недостатки советского тоталитаризма в сравнении с экономикой и политикой Запада. Из этой откровенной и детальной биографии становится ясно, что желание перемен исподволь развивалось внутри самых высших коридоров власти сразу же после смерти Сталина. Арбатов не только представляет существенные доказательства противоречивой точки зрения, что эти перемены произошли бы и без давления извне, он настаивает, что американское военное наращивание сил в течение срока правления Рейгана на самом деле препятствовало этому развитию» [25].

Джордж Ф. Кеннан (George F. Kennan) с этим согласен. Бывший американский посол в Советском Союзе и идейный отец теории «сдерживания» СССР утверждал, что «предположение, будто какая-либо администрация Соединенных Штатов имела возможность реально повлиять на курс колоссального внутреннего политического переворота в другой великой стране, на другом конце земного шара, – просто ребячество». Он настаивает, что чрезвычайная милитаризация американской политики укрепила позиции сторонников жесткого курса в Советском Союзе. «Таким образом, основной эффект экстремизма холодной войны заключался в том, что это скорее задерживало, чем ускоряло большие изменения, охватившие Советский Союз» [26].

Хотя, безусловно, затратная гонка вооружений нарушила устои советской гражданской экономики и общества еще больше, чем в Соединенных Штатах, так как она продолжалась на протяжении 40 лет – до прихода к власти Михаила

Горбачева, но без малейшего намека на неминуемый крах. Близкий советник Горбачева – Александр Яковлев на вопрос, заставили ли Советский Союз более высокие военные расходы правительства Рейгана в совокупности с его риторикой об «империи зла» занять более сговорчивую позицию, ответил:

«Это не играло никакой роли. Никакой. Я могу сказать Вам это с полнейшей ответственностью. Горбачев и я были готовы к изменениям в нашей политике независимо оттого, был ли американским президентом Рейган, или Кеннеди, или кто-то еще более либеральный. Было ясно, что наши военные расходы огромны, и мы должны были их сократить» [27].

Понятно, что некоторые советские руководители не захотят признать, что они были вынуждены совершить революционные изменения из-за их злейшего врага, что они проиграли в холодной войне. Однако в этом вопросе мы не можем полагаться на мнение какого-либо одного конкретного человека, русского или американца. Мы просто должны взглянуть на исторические факты.

С конца 1940-х и приблизительно до середины 1960-х американской стратегической целью было спровоцировать крушение советского правительства и нескольких восточноевропейских режимов. Сотни российских эмигрантов сорганизовывались, обучались и снаряжались ЦРУ, затем тайком отправлялись обратно на родину создавать шпионские сети, организовывать вооруженную политическую борьбу, совершать убийства и акты саботажа: крушения поездов, взрывы мостов, порчу военных предприятий и электростанций, и так далее. Советское правительство, задержавшее многих из этих людей, было, конечно, прекрасно осведомлено, кто за всем этим стоит.

Администрация Рейгана могла расценивать такую политику как одну из причин возможной капитуляции. Однако какими были плоды этой ультра-жесткой антикоммунистической политики? Регулярные серьезные конфронтации между Соединенными Штатами и Советским Союзом в Берлине, на Кубе и в других странах, советские вмешательства в Венгрии и Чехословакии, образование Варшавского договора (прямой ответ на создание НАТО), никакой гласности, никакой перестройки, только сеяние подозрительности, цинизма и враждебности с обеих сторон. Оказалось, что после всего этого русские остались людьми – они отвечали твердостью на твердость. И следствие: на протяжении многих лет прослеживалась прямая взаимосвязь между

дружелюбным настроением в советско-американских отношениях и числом евреев, эмигрировавших из Советского Союза [28]. Мягкость породила мягкость.

Если и есть персоны, которым следует приписать изменения, произошедшие в Советском Союзе и Восточной Европе – как выгодные, так и сомнительные, – то это, конечно, Михаил Горбачев и люди, которых он вдохновил. Нужно помнить, что Рейган находился у власти более четырех лет, прежде чем Горбачев пришел к власти, а Тэтчер – в течение шести, но за это время ничего значительного на пути советских реформ не произошло, несмотря на неутраченную озлобленность Рейгана и Тэтчер к коммунистическому государству.

Часто выдвигается аргумент, что легко задним числом хулить американскую манию холодной войны ради национальной безопасности страны – со всей ее прогрессирующей паранойей и нелепостью, ее натовской надгосударственной военной могущественной силой, ее системами дальнего радиолокационного обнаружения и тренировками воздушных налетов, ее ядерными бункерами и самолетами-разведчиками U-2. Но после войны в Европе Советский Союз действительно выступил десятифутовым монстром, представляющим угрозу всему миру.

Этот аргумент разбивается вдребезги от единственного вопроса, который достаточно было задать: зачем СССР вторгаться в Западную Европу или бомбить Соединенные Штаты? Он явно ничего не выиграл бы такими действиями, разве что получил бы гарантированное разрушение своей страны, которая только начинала восстанавливаться после войны.

К 1980-м вопрос, который не осмелились задать, породил военный бюджет в 300 млрд долларов и программу «звездных войн».

На самом деле, в наличии имеются многочисленные внутренние документы государственного департамента, Министерства обороны и ЦРУ послевоенного периода, в которых политологи один за другим ясно дают понять свой серьезный скептицизм относительно «советской угрозы» – раскрывая существенные военные слабости русских и/или оспаривая их предполагаемые агрессивные намерения, – в то время как высокопоставленные лица, включая президента, публично озвучивали явно противоположные мнения [29].

Историк Роджер Моррис (Roger Morris), бывший член Совета национальной безопасности при президентах Джонсоне и Никсоне, описал это явление так:

«Творцы американской политики должны были делать свое дело «честнее, чем сама правда», и «вдалбливать в массовое сознание мнение правительства», как выразился госсекретарь Дин Ачесон (Dean Acheson)... Они это делали. Новое Центральное разведывательное управление начинает систематическое завышение советских военных расходов. Чудесным образом на американских правительственных диаграммах склеротическую советскую экономику заставляют жужжать и расти вверх. К конной армии Сталина – в комплекте с дрянным вооружением, разрушенными войной дорогами и лживой моралью – Пентагон добавляет фиктивные подразделения и затем вдобавок приписывает новым силам сценарии вторжения.

Американские деятели «преувеличили советские возможности и намерения до такой степени», говорится в последующем исследовании архивов, «что удивительно, кто вообще воспринимал их всерьез». Подпитываемые мрачными правительственными заявлениями и отражающимся общественным страхом, американская пресса и люди не видели в этом ничего странного [30].

Тем не менее, продолжают настаивать оппоненты, было много чиновников, занимавших высокие посты, которые просто и искренне не поняли советских сигналов. Советский Союз, говорили они, был очень деспотичным и закрытым обществом, особенно до смерти Сталина в 1953 году. Так, в 1983 году бывший консервативный член парламента Великобритании Энох Пауэлл (Enoch Powell) заметил:

«Международное недопонимание почти всегда произвольно: международное недопонимание – это противоречие, ведь для того, чтобы что-то сознательно неправильно понять, нужно по крайней мере понимать, что нуждается в понимании... [Недопонимание Америкой Советского Союза] имело функцию поддержания мифа – мифа о Соединенных Штатах как «последней, лучшей надежде человечества». Святой Георгий и Дракон – жалкое зрелище без реального дракона, желательнее крупнее и более чешуйчатого, в идеале извергающего из пасти пламя. Недопонимание Советской России стало незаменимо для самооценки американской нации: и она не была бы

благосклонна к тем, кто попытался бы ее этого лишить» [31].

Можно также приводить доводы в пользу того, что веру нацистов в большую опасность, исходящую от «международного еврейского заговора», следует рассматривать в первую очередь и только потом осуждать преступников холокоста.

И американцы, и немцы верили собственной пропаганде или делали вид, что верят. При чтении *Mein Kampf* поражает тот факт, что в значительной части то, что Гитлер писал о евреях, перекликается с тем, что американские антикоммунисты писали о коммунистах: они исходят из той предпосылки, что евреи (коммунисты) – это зло и хотят доминировать над миром; далее, любое поведение, которое, оказываясь, противоречит этому, рассматривается как простая уловка для того, чтобы одурачивать людей и доводить свое дело до конца, такое поведение всегда является частью заговора, в который вовлечено множество людей. Гитлер приписывает евреям великую, практически мистическую силу манипулирования обществом и экономическими системами. Он обвиняет евреев в «бедах», связанных с промышленной революцией, – например, классовом расслоении и борьбе между ними. Он открыто осуждает евреев за интернационализм и отсутствие национального патриотизма.

Были, конечно, и такие «бойцы холодной войны», которые уверяли, что главный план мирового господства Кремля заключался в грубом вторжении в Западную Европу или сбрасывании бомб на Соединенные Штаты. Имелся и более тонкий, можно сказать, дьявольски умный план свержения: изнутри, страна за страной, через страны третьего мира, окружить и удушить «Первый Мир» – поистине международный коммунистический заговор, «заговор, – сказал сенатор Джозеф Маккарти (Joseph McCarthy), – в столь огромном масштабе, который затмит любое предыдущее такое предприятие в истории человечества».

Этому факту и уделяется основное внимание в данной книге: как Соединенные Штаты во всем мире боролись с этим заговором везде и когда угодно, как только он напоминал о себе.

Существовал ли международный коммунистический заговор на самом деле?

Если он действительно существовал, почему «бойцы холодной войны» ЦРУ и других правительственных учреждений должны были идти на такие

невероятнейшие преувеличения? Если они по-настоящему верили в существование дьявольского, единого международного коммунистического заговора, с какой стати они должны были выдумывать так много о нем, чтобы убеждать американский народ, Конгресс и остальной мир в существовании этого зла? Зачем им нужно было закулисно руководить, устраивать ловушки, фабриковать доказательства, истории, подделывать документы? Страницы этой книги полны многочисленных примеров антикоммунистических речей американского правительства и выдумок СМ И о «советской угрозе», «китайской угрозе» и «кубинской угрозе». И все время нас пугали этими историями: в 1950-х было «отставание в бомбардировочной авиации» между США и Советским Союзом, а также «отставание гражданской обороны». Затем возникло «отставание по ракетам», за которым последовало «отставание по антибаллистическим ракетам (ПРО)». В 1980-х было «отставание в расходах». И наконец, «отставание лазерных технологий». И все это было ложью.

Теперь нам известно, что ЦРУ при Рональде Рейгане и Уильяме Кейси регулярно «политизировало оценки разведки», чтобы поддержать антисоветскую направленность администрации, и скрывало отчеты даже собственных аналитиков, которые противоречили этому курсу. Мы теперь знаем, что ЦРУ и Пентагон регулярно переоценивали экономическую и военную мощь Советского Союза, а также преувеличивали масштабы советских ядерных испытаний и количество совершенных «нарушений» по существующим договорам об их запрете, в которых Вашингтон тогда обвинял русских [32]. Делалось все, чтобы показать врага более крупным и более подлым, – с тем чтобы увеличить бюджет военных расходов, обеспечить безопасность и обосновать необходимость работы «бойцов холодной войны».

Время после холодной войны, время «нового мирового порядка» – счастливое время для военно-промышленного и разведывательного комплекса и его глобальных партнеров по преступлениям – Всемирного банка и МВФ. Они распоряжаются Североамериканским соглашением о свободной торговле (НАФТА) и Всемирной торговой организацией. Они диктуют экономическое, политическое и социальное развитие во всех странах третьего мира и Восточной Европы. Реакция Москвы на события нигде больше не играет сдерживающей роли. «Кодекс поведения транснациональных корпораций» ООН, находившийся в процессе создания 15 лет, мертв. Все, что подвластно взгляду, приведено в беспорядок и приватизировано. Капитал бродит по земному шару с такой свободой, которой он не обладал до Первой мировой войны, избавленный от сил трения и тяготения. Весь мир стал безопасным для транснациональных корпораций [33].

Но значит ли это, что жизнь масс стала лучше, чем была при холодной войне? Оказалась ли больше забота о простом народе с тех пор, как этот вопрос встал на повестку дня много веков назад? «Безусловно», говорит Капитал, предлагая другую подготовленную теорию «просачивания благ сверху вниз», принцип которой заключается в том, что бедные должны существовать благодаря крошкам, упавшим со стола богачей, и чем больше блюдо будет подано богачам, тем больше перепадет бедным для их существования.

Сыны Капитала так же фыркают от смеха в свои бокалы мартини по поводу смерти социализма. Это слово вовсе исключили из светских бесед. И они надеются, что никто не заметит, что каждый социалистический эксперимент любой значимости в XX веке – без исключений – был сокрушен, свергнут, извращен, ниспровергнут или дестабилизирован благодаря Соединенным Штатам. Ни одному социалистическому правительству или движению – от российской революции до сандинистов в Никарагуа, от коммунистического Китая до Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти в Сальвадоре – не было позволено возвыситься или пасть благодаря исключительно собственным заслугам; ни одно из них не оставалось достаточно защищенным, чтобы иметь возможность изгнать войска всемогущего внешнего врага и свободно, спокойно управлять своей страной.

Это как если бы первые эксперименты братьев Райт с летательными аппаратами провалились из-за того, что в интересах автомобильной промышленности саботировался бы каждый их испытательный полет. А затем добрые и богобоязненные люди мира посмотрели бы на это, сделали выводы из случившегося, с умным видом коллективно склонили головы и торжественно произнесли: человек никогда не сможет летать.

1. Китай, 1945–1960

Был ли Мао Цзэдун параноиком?

На протяжении четырех лет многие американцы – как политики, так и простые граждане – старались на афишировать свою убежденность в том, что Вторая мировая война была «войной ошибочной и велась она не с теми врагами». Они

считали, что единственным подлинным противником исторического курса Америки был коммунизм. Не тем ли объясняется тот факт, что Гитлера игнорировали, терпели, умиротворяли и помогали ему, для того чтобы нацистская военная машина повернула на Восток и стерла большевизм с лица земли раз и навсегда? К несчастью, оказалось, что Адольф Гитлер страдал манией величия и двинул свои полчища также и на Запад.

Но война закончилась, и у этих американцев теперь нашлись дела в каждом уголке мира. Не успели высохнуть чернила на акте капитуляции Японии, как Соединенные Штаты начали использовать японских солдат, все еще находившихся в Китае, наряду с американскими войсками в совместной борьбе против китайского коммунизма. (На Филиппинах и в Греции, как мы увидим далее, США даже не дожидались окончания войны, чтобы использовать результаты победы над Японией и Германией для своего антикоммунистического крестового похода.)

Китайские коммунисты тесно сотрудничали с американскими военными во время войны, предоставляя им важные разведданные о японских оккупационных войсках, спасая и ухаживая за сбитыми американскими летчиками [1]. Но для американцев это не имело значения. Генералиссимус Чан Кайши стал человеком Вашингтона. Он возглавлял орган, считавшийся центральным правительством Китая. По оценкам Управления стратегических служб (УСС, предшественник ЦРУ), основная часть военных усилий Чан Кайши была направлена скорее против коммунистов, нежели против японцев. Чан Кайши также приложил все усилия, чтобы не допустить сотрудничества между красными и американцами. На том этапе его армия состояла из японских частей, а его административный аппарат был полон чиновников, запятнавших себя сотрудничеством с прояпонским марионеточным китайским правительством [2]. Однако для США все это не имело никакого значения. Генералиссимус был антикоммунистом до мозга костей. Более того, он был прирожденным американским клиентом. Поэтому его войска следовало должным образом обучить и оснастить для битвы против Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая.

Президент Трумэн довольно откровенно назвал это «использованием японцев для сдерживания коммунизма»:

«Нам было совершенно ясно, что если мы заставим японцев немедленно сложить оружие и выйти к побережью, вся страна будет захвачена коммунистами.

Поэтому мы вынуждены были сделать этот необычный шаг – использовать вражеские гарнизоны до тех пор, пока мы не сможем перебросить по воздуху части вооруженных сил Китая под командованием Чан Кайши в Южный Китай и отправить морскую пехоту для защиты морских портов» [3].

Развертывание частей морской пехоты США имело незамедлительные и впечатляющие результаты. Если спустя две недели после окончания войны Пекин был окружен войсками коммунистов, то появление американской морской пехоты в городе воспрепятствовало взятию города красными [4]. И пока части Мао занимали пригороды Шанхая, американские транспортные самолеты перебрасывали войска Чан Кайши для захвата города [5].

В борьбе за то, чтобы взять под контроль ключевые центры и порты раньше коммунистов, США перебросили по морю и по воздуху от 400 до 500 тысяч солдат армии Чан Кайши со всех бескрайних просторов Китая и Маньчжурии в места, куда они никогда бы не добрались без американской помощи.

Поскольку гражданская война набирала обороты, 50 тысяч морских пехотинцев были поставлены Трумэнном на охрану железнодорожных путей, угольных шахт, портов, мостов и других стратегических объектов. Они неизбежно оказывались вовлеченными в боевые столкновения, и потери исчислялись десятками, а то и сотнями. Американские войска, по свидетельствам коммунистов, нападали на территории, контролируемые красными, открывали по ним огонь, арестовывали офицеров и разоружали солдат [6]. Американцы безжалостно уничтожили небольшую китайскую деревню, писал морской пехотинец конгрессмену своего штата: никого не интересовало, «сколько невинных людей было убито» [7].

Самолеты ВВС США регулярно совершали разведывательные полеты над территориями коммун истов для разведки расположения их сил. Коммунисты утверждали, что американские самолеты часто атаковали и бомбили их войска и в одном из случаев обстреляли из пулеметов удерживаемый коммунистами город [8]. Степень вовлеченности летчиков ВВС США в эти воздушные операции доподлинно неизвестна.

Впрочем, после многочисленных крушений американских самолетов находились и выжившие. Удивительно, но красные продолжали спасать сбитых американских летчиков, лечить их и возвращать на американские базы. Сейчас в это трудно поверить, но в то время загадочное обаяние и миф об Америке все

еще владел воображением многих людей во всем мире; китайские крестьяне, будь они коммунистами или нет, не были исключением. Во время войны красные помогли спасти множество американских летчиков и перебросить их через занятые японцами районы в безопасные места. «Коммунисты, – писала газета «Нью-Йорк таймс», – не потеряли ни одного нашего летчика, взятого под их защиту. И для них было делом принципа не брать никаких наград за спасение американских летчиков» [9].

К началу 1946 года в Китае все еще находились приблизительно 100 000 американских военнослужащих, обеспечивающих поддержку Чан Кайши. США официально объясняло их присутствие необходимостью разоружения и репатриации японских войск. В конечном итоге данная задача была действительно выполнена, но она была вторичной политической задачей военных, как предельно четко объясняет Трумэн в процитированном выше заявлении.

Среди американских солдат в Китае поднялась волна протестов, вызванная задержкой их отправки домой. Недовольство было подхвачено по всему миру другими военнослужащими США, остававшимися за рубежом по политическим (обычно антикоммунистическим) мотивам, которые преследовала американская администрация. «Солдаты спрашивают у меня, почему они все еще здесь, – рассказывал лейтенант морской пехоты в Китае во время рождественских праздников в 1945 году. – Как офицер я должен им ответить, но невозможно объяснить человеку, что он здесь для того, чтобы разоружать японцев, в то время как он охраняет одну и ту же железную дорогу вместе с [вооруженными] японцами» [10].

Достаточно странно выглядела посредническая роль Соединенных Штатов в гражданской войне, учитывая, что они были активным и могущественным участником конфликта, занимающим одну из сторон. В январе 1946 года президент Трумэн, очевидно, понимая, что выбор стоял между компромиссом с коммунистами и попаданием всего Китая под их влияние, направил туда генерала Джорджа Маршалла с задачей добиться прекращения огня и договориться о создании некоего коалиционного правительства. Несмотря на то что в определенной степени удалось достичь договоренности о перемирии, в целом идея коалиционного правительства была обречена на такой же провал, как и гипотетический союз между царем и большевиками. Как выразился историк Д. Ф. Флеминг, «невозможно объединить умирающую олигархию с рождающейся революцией» [11].

Незадолго до начала 1947 года Соединенные Штаты начали частичный вывод войск, хотя помощь и поддержка правительства Чан Кайши продолжались в той или иной форме еще долгое время после этого. Приблизительно в это же самое время в боевых действиях начали принимать участие «летающие тигры» – легендарная американская эскадрилья под командованием генерала Клэра Шэнно (Claire Chennault), которая уже сражалась на стороне китайцев против японцев как до мировой войны, так и во время нее. На этот раз Шэнно, бывший советник Чан Кайши по вопросам ВВС, «реанимировал» свою эскадрилью под названием CAT (Civil Air Transport), и вскоре ее «пилоты удачи» оказались в самом пекле сражений, выполняя бесконечные миссии по переброске грузов находящимся в осаде города националистам. Уклоняясь от артиллерийских обстрелов коммунистов, они доставляли продовольствие, боеприпасы и всевозможное снабжение и эвакуировали раненых [12]. Официально CAT была частной авиакомпанией, арендованной правительством Чан Кайши. Однако еще до окончания гражданской войны авиакомпания начала работать на ЦРУ и стала первым подразделением в растущей воздушной империи Управления, впоследствии сменив название на Air America.

К 1949 году помощь Соединенных Штатов националистам с начала войны составила почти два миллиарда долларов наличными и один миллиард военной техникой. США обучили и вооружили 39 дивизий Национальной революционной армии [13]. И, несмотря на все это, «государство» Чан Кайши разваливалось на куски. Этому способствовали не только атаки коммунистических противников Чан Кайши, но и враждебность китайского народа в целом к его тирании, его необоснованной жестокости, чрезмерной коррумпированности и упадку всей его бюрократической и социальной системы. И напротив, обширные районы, находившиеся под контролем коммунистов, были образцом честности, прогрессивности и справедливости. Целые дивизии генералиссимуса переходили на сторону коммунистов. Американские политические и военные лидеры не питали иллюзий на предмет сущности и форм правления Чан Кайши. Национальная революционная армия, по словам главы американской военной миссии в Китае генерала Дэвида Барра, находилась в руках «самого худшего в мире командования» [14].

Генералиссимус, его ближайшие сторонники и солдаты бежали на прибрежный остров Тайвань (Формоза). За два года до этого они подготовили свое прибытие туда, принудив жителей острова к покорности – учинив резню, унесшую 28 тысяч человеческих жизней [15]. До побега националистов на остров американское правительство даже не испытывало сомнений относительно того, что Тайвань был частью Китая. Позже в умах Вашингтонских политиков стало

проскальзывать чувство неопределенности. Кризис был разрешен удивительно простым способом: США согласились с Чан Кайши в том, что наиболее подходящее решение в данной ситуации – это считать Тайвань не частью Китая, а исходить из того, что Тайвань и есть Китай. На том и порешили.

Сразу за последовавшим успехом коммунистов, ученый-китаевед Феликс Грин (Felix Green) отметил: «Американцы просто не могли поверить в то, что китайцы, несмотря на все их прогнившее руководство, могут отдать предпочтение коммунистическому правительству» [16]. Это можно было объяснить, с точки зрения американцев, лишь искусным заговором международного масштаба, у рычагов управления которого находился, как и следовало ожидать, Советский Союз. Доказательства такого заговора, однако, были неуловимы. Действительно, с тех пор как вера Сталина в построение «социализма в отдельно взятой стране» одержала верх над интернационализмом Троцкого 1920-х, позиция Чан Кайши казалась для русских ближе, чем позиция Мао; из Москвы Мао не раз советовали распустить его армию и присоединиться к правительству Чан Кайши [17]. Советскому Союзу, вынужденному в послевоенные годы решать тяжелейшие задачи по восстановлению своей собственной экономики, вовсе не улыбалась перспектива оказывать помощь самому крупному по численности населения государству мира в деле его восстановления. В 1947 году генерал Маршалл публично заявил, что не располагает никакими свидетельствами поддержки китайских коммунистов Советским Союзом [18].

Но отсутствие свидетельств поддержки со стороны СССР вовсе не рассеяло американский миф о том, что Америка «потеряла» Китай. Для создания мифа использовались такие тезисы, как «советская интервенция», «коммунисты в Госдепартаменте США», «трусы в Белом доме», «глупость военных и дипломатов», «коммунистические обманщики и их соучастники в СМИ», «предательство повсюду»...

Администрация Трумэна, говорил сенатор Джозеф Маккарти с присущим ему «обаянием», состоит из «подхалимов и пустозвонов-либералов», защищавших «коммунистов и гомиков», которые и «продали Китай в атеистическое рабство» [19].

Однако же, кроме широкомасштабного вторжения в страну многочисленного контингента американских войск, трудно представить, что еще американское правительство могло предпринять, чтобы предотвратить падение Чан Кайши. Даже после того, как генералиссимус сбежал на Тайвань, США с упорством

продолжали проводить против коммунистического правительства военные операции, несмотря на просьбу Чжоу Эньлая об оказании помощи и установлении дружественных отношений. Лидер красных не видел ни практического, ни идеологического препятствия для этого [20]. Вместо помощи Соединенные Штаты неоднократно замыслили физическое устранение Чжоу Эньлая [21].

К большому недовольству бирманского правительства множество солдат Гоминьдана нашли убежище в Северной Бирме после массового бегства 1949 года. Именно там ЦРУ взялось за реорганизацию этой «армии без государства» для дальнейшего противостояния и в начале 1950-х смогло организовать ряд различных по масштабу рейдов в Китай. Так, один из инцидентов произошел в апреле 1951 года. Несколько тысяч солдат, сопровождаемых американскими советниками, при материально-технической поддержке с воздуха американскими военно-транспортными самолетами С-46 и С-47 пересекли границу Китая в провинции Юньнань. Коммунистам понадобилось меньше недели на то, чтобы выбить их с территории страны. Потери нападавших оказались значительными и включали в себя нескольких советников ЦРУ. В ходе другого нападения, совершенного летом того же года, националистам удалось проникнуть на 65 миль в глубь Китая, где, по их словам, им удалось удерживать полосу территории протяженностью в сто миль.

Пока продолжались эти периодические пограничные конфликты, ЦРУ наращивало собственные силы: для помощи в строительстве и расширении взлетно-посадочных полос в Бирму прибыли американские инженеры, сюда передислоцировались свежие части из Тайваня, другие отряды вербовались из бирманских горных племен, эскадрильи ЦРУ использовались для тылового снабжения. Также к бирмано-китайской границе было переброшено огромное количество американской тяжелой военной техники. Личный состав и материальное обеспечение армии большей частью поступали через соседний Таиланд.

Вскоре численность армии достигла более чем 10 тысяч человек. К концу 1952 года Тайвань утверждал, что 41 тысяча солдат коммунистического Китая была убита и более 3000 ранены. Данные, вероятнее всего, преувеличенные, но даже если они оказались бы правдивы, было очевидно, что пограничные конфликты не приведут к триумфальному возвращению Чан Кайши на материк. Это не было их единственной целью. На китайской границе шли две серьезные войны: в Корее и Вьетнаме. Соединенные Штаты надеялись вынудить китайцев

передислоцировать свои войска и ресурсы подальше от этих областей. Новорожденная Китайская Народная Республика подвергалась тяжелому испытанию.

Между рейдами на территорию Китая китайские националисты находили время для частых стычек с бирманской армией, занимались бандитизмом, а некоторые становились опиумными баронами «Золотого треугольника» – географической зоны на стыке границ Бирмы, Лаоса и Таиланда, которая была самым большим в мире источником опиума и героина. Пилоты ЦРУ развозили грузы повсюду, чтобы обеспечить лояльность тех в Таиланде, кто был важен для военной операции. Это делалось ради пользы их националистических сателлитов, возможно, даже ради заработка, и служило прикрытием для других, еще более незаконных действий.

Китайские националисты в Бирме продолжали изводить китайских коммунистов до 1961 года, а ЦРУ продолжало оказывать им военную поддержку. Однако с определенного момента Управление начало поэтапное свертывание своего прямого участия. Когда ЦРУ в ответ на неоднократные обращения бирманского правительства к Соединенным Штатам и Организации Объединенных Наций начало давить на китайских националистов, чтобы они покинули территорию Бирмы, Чан Кайши пригрозил обнародовать информацию о секретной поддержке, которую Управление оказывало его войскам там. На раннем этапе вмешательства ЦРУ питало надежду, что ему удастся спровоцировать коммунистических китайцев на вторжение в Бирму и таким образом вынудить нейтральных бирманцев искать спасения у Запада [22]. В январе 1961 года китайцы действительно атаковали Бирму, вместе с бирманцами направив свой удар на главную базу националистов. Это стало концом бирманской авантюры китайских националистов. Бирма в результате отказалась от помощи США и сблизилась с Пекином [23]. Впрочем, китайские националисты недолго сидели без работы. Вскоре они снова вернулись на службу ЦРУ – на сей раз для борьбы на стороне внушительной армии ЦРУ в Лаосе.

Бирма была не единственной стартовой площадкой для организованных ЦРУ нападений на Китай. Несколько островов в пределах примерно пяти миль от китайского побережья, в частности острова Кэмой и Мацу, использовались в качестве баз для подготовки скоротечных операций подразделений численностью не больше батальона, для спорадических бомбардировок и блокирования материковых портов. Примерно с начала 1953 года США оказывали на Чан Кайши «жесткое давление» с тем, чтобы он наращивал

численность своих войск на островах, что должно было демонстрировать новую политику Вашингтона по «развязыванию его рук» [24].

Китайцы несколько раз принимали ответные меры, подвергая Кэмой обстрелу тяжелой артиллерией. Во время одного из обстрелов погибли два американских офицера. Перспектива назревающей войны вынудила Вашингтон задуматься и попросить Чан Кайши покинуть острова, но тот отказался. Часто выдвигаются предположения, что замыслом генералиссимуса было втянуть Соединенные Штаты именно в такую войну, которая бы содействовала его возвращению на материк [25].

Множество рейдов на территорию Китая проводилось с использованием небольших десантно-диверсионных подразделений в разведывательных и диверсионных целях. В ноябре 1952 года коммунистами был сбит самолет с двумя сотрудниками ЦРУ на борту. Джон Дауни (John Downey) и Ричард Фекто (Richard Fecteau), которые отвечали за переброску таких подразделений и их материальное обеспечение, были взяты в плен. Два года прошло, прежде чем Пекин объявил о пленении этих людей и вынесении в отношении их приговора. Государственный департамент нарушил собственную двухлетнюю тишину негодованием, утверждая, что эти двое мужчин были гражданскими сотрудниками министерства сухопутных войск США в Японии, которые считались без вести пропавшими при перелете из Кореи в Японию. «Соединенным Штатам неизвестно, как они попали в руки китайских коммунистов... длительное неправомерное удержание этих американских граждан представляет дополнительное доказательство, что китайский коммунистический режим игнорирует принятые нормы международных отношений» [26].

Фекто был освобожден в декабре 1971 года, незадолго до поездки президента Никсона в Китай. Дауни выпустили из заключения только в марте 1973 года, вскоре после того, как Никсон публично признался, что тот был сотрудником ЦРУ.

В 1954 году Пекин также обнародовал информацию о том, что в январе 1953 года над Китаем были сбиты одиннадцать американских летчиков, выполнявших задание, целью которого была «выброска с воздуха специальных агентов в Китай и Советский Союз». Эти люди оказались более удачливыми и были освобождены всего лишь через два с половиной года. По утверждению китайцев, 106 американских и тайваньских агентов, сброшенных с парашютами на территорию Китая, были убиты, а еще 124 человека попали в плен в период

между 1951 и 1954 годами. Хотя ЦРУ не могло похвастаться своими немногочисленными достижениями в области десантно-диверсионных операций, есть сведения, что Управление поддерживало эту программу по крайней мере до 1960 года [27].

Под руководством ЦРУ над территорией Китая исключительно с целями шпионажа было совершено множество других полетов, выполненных самолетами-разведчиками U-2 на больших высотах, беспилотными самолетами и другими воздушными аппаратами. Эти разведывательные полеты начались примерно в конце 1950-х и не прекращались до 1971 года, когда состоялся первый визит Генри Киссинджера в Пекин. Такие операции не обходились без инцидентов. Китайцами было сбито несколько самолетов U-2 и еще больше беспилотных летательных аппаратов – 19 в период между 1964 и 1969 годами. Китай регистрировал сотни «серьезных инцидентов», связанных с нарушением своего воздушного пространства, и по крайней мере в одном из случаев американский самолет пересек китайскую границу и сбил МиГ-17 [28].

Казалось, что никакие неудачи, никакое отсутствие результатов не могли удержать ЦРУ от поиска новых способов досаждать китайцам в течение десятилетия после их революции. Другим показательным примером стал Тибет. Пекинское правительство объявило Тибет частью Китая, как это делалось предыдущими властями Китая на протяжении более двух веков, хотя множество тибетцев продолжали считать себя автономными и независимыми. Соединенные Штаты ясно обозначали свою позицию во время войны:

«Правительство Соединенных Штатов принимает во внимание тот факт, что китайское правительство в течение длительного времени заявляло право на сюзеренитет над Тибетом и что китайская конституция относит Тибет к числу районов, составляющих территорию Китайской Республики. Эти притязания никогда не ставились правительством (США) под сомнение» [29].

После коммунистической революции официальные лица Вашингтона стали занимать более неопределенную позицию по данному вопросу. Однако действия США в отношении Тибета ничего не имели общего с соблюдением международного права.

В середине 1950-х ЦРУ начало вербовать диверсантов из числа тибетских беженцев и изгнанников из Тибета, проживающих в соседних с ним странах, таких как Индия и Непал. Среди них были представители личной гвардии далай-ламы, именуемые «грозными всадниками Хамбы», и прочие, кто уже участвовал в партизанской войне против правления Пекина и глубоких социальных перемен, вызванных революцией (крепостничество и натуральное рабство все еще были широко распространены на Тибете). Отобранных в диверсанты людей отправляли в Соединенные Штаты на заброшенную военную базу, расположенную высоко в горах Колорадо, высота которых приближалась по значению к высотам их гористой родины. Там, надежно скрытые от местных жителей, они обучались тонкостям диверсионных операций.

По завершении обучения каждая группа тибетцев перебрасывалась в Тайвань либо другую дружественную азиатскую страну для дальнейшего проникновения в Тибет или в другое место Китая, где она занималась диверсиями, минированием дорог, уничтожением линий связи и устройством засад против небольших подразделений коммунистов. Их действия осуществлялись при поддержке самолетов ЦРУ и в некоторых случаях под командованием контрактных наемников Управления. В северо-восточной Индии были построены крупные пункты обеспечения.

Подготовка диверсантов в Колорадо продолжалась и в 1960-х. Сколько сотен тибетцев прошли через курсы, вероятно, уже никогда не будет известно. Даже после того, как формальная программа их обучения закончилась, ЦРУ продолжало финансировать и снабжать тибетскую эмиграцию и поощрять их безнадежную мечту об освобождении родины.

В 1961 году до газеты «Нью-Йорк таймс» дошли слухи о центре подготовки в горах Колорадо, но она выполнила просьбу Пентагона не расследовать это дело дальше [30]. Дело было особенно скользким, поскольку в соответствии с уставными документами ЦРУ от 1947 года и их трактовкой Конгрессом США деятельность Управления внутри страны традиционно ограничивалась операциями по сбору информации.

Помимо того что Китай был истерзан внутренней войной, ему доставалось и от войны в Корее. Китайцы часто сообщали о многочисленных бомбардировках и обстрелах американскими самолетами наземных целей на китайской территории, в результате которых гибло гражданское население и уничтожались дома. Другим поводом для обсуждений была бактериологическая

война.

Китайцы утверждали, что Соединенные Штаты, особенно в январе – марте 1952 года, сбросили с самолетов большое количество бактерий и насекомых, зараженных бактериями, над территориями Кореи и Северо-Восточного Китая. Они предоставили свидетельства 38 захваченных в плен американских летчиков, которые якобы управляли самолетами со смертельным грузом. Многие из них поведали подробные детали обо всей операции: о типах бомб и других сброшенных контейнерах, о видах насекомых и болезнях, носителями которых они являлись, и т. д. Вместе с тем были опубликованы фотографии предполагаемых бактериологических бомб и зараженных насекомых. Затем, в августе, был создан Международный научный комитет, состоявший из ученых Швеции, Франции, Великобритании, Италии, Бразилии и Советского Союза. После более чем двухмесячного расследования в Китае комитет представил отчет объемом около 600 страниц с множеством фотографий и следующее заключение:

«Народы Кореи и Китая действительно были целями бактериологических атак. Атаки выполнялись с использованием средств американских вооруженных сил, применявших большое разнообразие методов для реализации своих целей, некоторые из которых, похоже, были разработками, применявшимися японцами во время Второй мировой войны» [31].

Последнее упоминание относится к экспериментам с бактериологическим оружием, которые японцы проводили в Китае между 1940 и 1942 годами. В 1945 году Соединенные Штаты Америки взяли в плен японских ученых, ответственных за эту программу, и обеспечили им защиту от судебного преследования в обмен на предоставление технической информации об экспериментах американским ученым из Биологического научно-исследовательского центра сухопутных войск США в Форт-Детрике (Fort Detrick), штат Мериленд. Китайцы узнали об этом в ходе расследования, проведенного Международным научным комитетом [32].

Стоит отметить, что некоторые утверждения американских пилотов содержали так много технической и биологической информации и были так переполнены коммунистической риторикой об «империалистических, капиталистических поджигателях войны с Уолл-стрит» и т. п., что их личное авторство этих

заявлений следует подвергать серьезному сомнению. Более того, как выяснилось позже, большинство летчиков давали показания лишь после того, как были подвергнуты физическому насилию [33].

Однако принимая во внимание то, что мы с тех пор узнали о применении американцами химического и биологического оружия, от претензий Китая просто так отмахнуться нельзя. В 1970 году «Нью-Йорк таймс», в частности, сообщила, что во время войны в Корее, когда американские войска были подавлены тактикой «человеческих волн», примененной китайцами, «армия США штудировала захваченные у нацистов документы по применению химического оружия и описывающие летальность действия нервнопаралитического газа зарина, несколько фунтов которого могут убить тысячи людей за считанные минуты. К середине пятидесятых годов в сухопутных войсках США производились тысячи галлонов зарина» [34].

На протяжении 1950-х и 1960-х сухопутные войска США и ЦРУ проводили многочисленные эксперименты с биологическими веществами на территории Соединенных Штатов. Приведем всего два примера. Есть убедительные свидетельства, что в 1955 году ЦРУ распылило бактерии коклюша в открытом воздухе во Флориде, что повлекло чрезвычайно резкое увеличение заболеваемости этой болезнью в штате [35]. В следующем году другое токсичное вещество было рассеяно на улицах и в туннелях Нью-Йорка [36].

В главе, посвященной Кубе, мы также узнаем, как ЦРУ вело химическую и биологическую войну против Фиделя Кастро.

В марте 1966 года госсекретарь Дин Раск (Dean Rusk) выступал перед членами комитета Конгресса США на тему американской политики в отношении Китая. Мистер Раск картинно удивлялся тому, что «периодически лидеры коммунистического Китая кажутся зацикленными в своем убеждении, будто они находятся под угрозой и в окружении врагов». Он говорил о «воображаемом, почти патологическом убеждении Китая в том, что Соединенные Штаты и другие страны, расположенные вдоль его границ, ищут возможность вторгнуться в его материковую часть и уничтожить режим Пекина». Госсекретарь затем добавил:

«Насколько «страх» Пекина перед Соединенными Штатами искренен и насколько он искусственно культивирован для внутривнутриполитических целей, знают только сами лидеры коммунистического Китая. Однако я убежден, что их желание нейтрализовать наше влияние и деятельность в западной части Тихого

океана и Юго-Восточной Азии мотивировано отнюдь не опасением, что мы представляем для них угрозу» [37].

2. Италия, 1947–1948

Свободные выборы в голливудском стиле

В январе 1948 года американский генеральный прокурор Том Кларк заявил: «Тем, кто не разделяет идеологию Соединенных Штатов Америки, нельзя позволить оставаться в этой стране» [1].

В марте министерство юстиции, руководимое Кларком, вынесло определение, что итальянцам, которые не согласны с идеологией Соединенных Штатов, не разрешат эмигрировать или даже посещать Америку.

Это был очередной тактический шаг в рамках массовой американской кампании, цель которой заключалась в том, чтобы не допустить итальянцев, не поддерживающих идеологию США, к формированию правительства Италии на выборах 1948 года.

Двумя годами ранее Итальянская коммунистическая партия (ИКП), одна из самых больших в мире, и Итальянская социалистическая партия (ИСП) совместно набрали больше голосов и получили большее количество мест на выборах учредительного собрания, чем христианские демократы. Но эти две левые партии выдвинули различных кандидатов, которым пришлось довольствоваться некоторыми министерскими постами в коалиционном правительстве, возглавляемом премьер-министром из Христианско-демократической партии. Результаты тем не менее были достаточно красноречивы, чтобы напугать американскую администрацию Трумана призраком Карла Маркса.

Для участия в выборах 1948 года, намеченных на 18 апреля, ИКП и ИСП объединились в Народно-демократический фронт (НДФ) и в феврале выиграли муниципальные выборы в Пескаре, получив голосов на 10 процентов больше по сравнению с результатами 1946 года. Христианские демократы такими успехами похвастаться не могли; перспектива того, что левые будут контролировать

работу итальянского правительства, проявлялась ярче, чем когда-либо прежде. И тогда США решили применить самое мощное политическое и экономическое оружие против итальянского народа. Старое доброе ноу-хау янки, уловки пиар-агентств Мэдисон-авеню в искусстве воздействия на общественное мнение, избитая голливудская сентиментальщина – все средства были задействованы для того, чтобы оказать воздействие на «целевую аудиторию».

Внутренние проблемы Италии, такие как острая необходимость в проведении сельскохозяйственной и экономической реформ, отсутствие которых порождало резкое социальное расслоение общества, невозможно было решить за один день. Линия фронта проходила между «коммунизмом» и «демократией» (за которой пряталась идея «капитализма»).

Тот факт, что коммунисты были единственной и самой активной антифашистской силой, подвергавшейся безжалостному преследованию в Италии во время войны, просто игнорировался. Параллельно замалчивалось присутствие в правительстве христианских демократов 1948 года и среди других правых сил коллаборационистов, монархистов и совершенно нереформированных фашистов. Все было перевернуто. Теперь дело было в противостоянии коммунистической «диктатуры» против поклонников «свободы». В качестве примера: группа американских конгрессменов, побывав в Италии летом 1947 года, безапелляционно заявила: «Страна переживает огромное внутреннее и внешнее давление на поворот «влево» и принятие тоталитарно-коллективистского национального строя» [2].

Чтобы подобные заявления выглядели правдоподобными, требовалось поместить привычную картину жизни в рамки противопоставления американского образа жизни советскому. Такой лицемерный оборот шокировал левых в Италии: они считали себя итальянцами, а не русскими или американцами.

В феврале 1948 года в Чехословакии некоммунистические министры бойкотировали работу правительства из-за спора о найме на работу в полицию; тогда коммунистическое руководство распустило коалиционный кабинет и взяло на себя все полномочия. Радиостанция «Голос Америки» неоднократно указывала на это событие как предупреждение итальянскому народу о судьбе, ожидающей их, если Италия «пойдет путем коммунизма» (этот аргумент антикоммунисты использовали в течение многих десятилетий после этих событий, как главный пример коммунистической двуличности). Однако, как

оказалось, еще годом ранее итальянское христианско-демократическое правительство и правительство США договорились, узурпировав власть гораздо более вопиющим образом.

В январе 1947 года итальянский премьер-министр Альчиде де Гаспери (Alcide de Gasperi) по приглашению Соединенных Штатов посетил Вашингтон. Главной задачей визита премьера было добиться помощи для его разоренной войной страны. У американских чиновников, судя по всему, приоритеты были иными. Спустя три дня после возвращения в Италию де Гаспери неожиданно распустил свое правительство, в которое входили несколько коммунистов и социалистов. По сообщениям прессы, многие итальянцы полагали, что такой поступок де Гаспери был связан с его визитом в Америку, а его целью было сокращение левого, преимущественно коммунистического, влияния в правительстве. После двух недель всяческих задержек формирование центристского или правоцентристского правительства, которого добивался де Гаспери, оказалось неосуществимым; новый кабинет снова включал коммунистов и социалистов, хотя левые потеряли ключевые позиции, особенно в министерствах иностранных дел и финансов.

С того момента и до мая обещанные США кредиты были заморожены по не вполне понятным причинам; в мае представитель де Гаспери Иван Ломбардо (Ivan Lombardo) направился в Вашингтон с миссией возобновить запрос об оказании помощи. В течение этого периода итальянские левые несколько раз уверенно заявляли: помощь задерживают до тех пор, пока левых не выгонят из правительства. Газете «Нью-Йорк таймс» пришлось заметить, что «по прогнозам некоторых экспертов дальнейшие сдвиги «влево» в Италии замедлят процесс предоставления финансовой помощи». В тот день, когда Ломбардо прибыл в Вашингтон, де Гаспери снова распустил все свое правительство и предложил собрать новый кабинет министров без участия представителей левых – что и произошло. И в течение следующих нескольких месяцев чрезвычайно щедрая американская финансовая помощь потекла в Италию – вдобавок к отмене национального долга в 1 миллиард долларов [3].

В то же самое время Франция, которая также глубоко зависела от американской финансовой поддержки, сместила с постов всех своих коммунистических министров. В этом случае предлогом послужил отказ коммунистов поддержать премьер-министра Рамадье в вопросе заморозки зарплат. Несмотря на рациональное объяснение, изгнание коммунистов из правительства во Франции расценили как «неожиданность» и сочли «дерзким шагом»: широко

распространилось мнение о том, что американские кредиты использовались или будут использоваться с целью вынудить Францию вступить в союз с США. Сам Рамадье сказал: «С каждым новым полученным кредитом частица независимости покидает нас» [4].

За месяц до выборов 1948 года журнал «Тайм» назвал возможную победу левых в выборах «преддверием катастрофы» [5].

«Эта опасность, – писал Уильям Колби, бывший директор ЦРУ, – привела к формированию Управления координации политики (Office of Policy Coordination), давшего ЦРУ полномочия предпринять секретные политические, пропагандистские и военные операции в первоочередном порядке» [6]. Но секретные операции, насколько известно, играют относительно незначительную роль в американской кампании по сокрушению итальянских левых. Действия в этом направлении проводились открыто и безо всякого смущения – настолько высокомерно, что назвать это можно было только чванством. Достижения Народно-демократического фронта были сведены на нет с удивительной скоростью под влиянием грандиозной мобилизации ресурсов, включавшей следующие меры: [7]

- Масштабная кампания в США по рассылке писем американцами итальянского происхождения их родственникам и друзьям в Италии. Сначала эти письма писали индивидуально, собственными словами или руководствуясь «типовыми заготовками», взятыми из газет. Затем это переросло в серийную рассылку шаблонных, оплаченных отправителем писем, телеграмм, «просветительских буклетов» и плакатов, нуждающихся только в проставлении адреса и подписи. Также было разослано полмиллиона художественных открыток от группы, называющей себя Комитетом поддержки демократии в Италии, иллюстрирующих ужасную судьбу, которая ждет Италию, если они проголосуют за «диктатуру» или «инострannую диктатуру». В целом, приблизительно 10 миллионов почтовых отправлений были написаны и разосланы газетами, радиостанциями, церквями, Американским легионом, состоятельными людьми и т. д.; коммерческие рекламные объявления также стали включать предложения отправлять письма в Италию даже тем, кто не покупал товар. Все это происходило с публичного одобрения со стороны исполняющего обязанности госсекретаря и руководства почтово-телеграфного ведомства, которое учредило специальные «Полеты свободы», чтобы предать широкой огласке отправку почты в Италию.

Содержание писем состояло из сообщений следующего характера: «Победа коммунизма уничтожит Италию. Соединенные Штаты перестанут оказывать помощь, и дальнейшие события могут закончиться мировой войной»; «Мы просим Вас не отдавать нашу прекрасную Италию в руки жестокого коммунистического деспота. Америка ничего не имеет против коммунизма в России [именно так!], но зачем навязывать его другим людям, другим землям, таким образом гася факел свободы?»; «Если силы истинной демократии проиграют на итальянских выборах, американское правительство больше не будет оказывать финансовую помощь Италии и мы не будем больше отправлять деньги Вам, нашим родственникам».

Эти фальсификации были еще не самыми изощренными среди прочих сообщений. Другими затрагиваемыми темами были доминирование советской России над Италией, уничтожение религии и церкви, разрушение семейных ценностей, потеря жилья и земли.

В одной беседе опытный журналист Говард К. Смит отметил: «Для итальянского крестьянина пришедшая издалека телеграмма – поразительная вещь; и уж тем более сложно не обратить внимания на телеграмму, пришедшую из «рая земного» – Америки».

Письма с угрозами о прекращении отправки пожертвований воспринимались одинаково устрашающе. «Такие письма, – писал христианско-демократический представитель в итальянской газете, – словно молнии, ударили по домам в деревнях южной Италии и Сицилии». Опрос 1949 года показал: 16 процентов итальянцев утверждали, что у них есть родственники в Соединенных Штатах, с которыми они поддерживают связь; очевидно, что эта цифра включала в себя и друзей, находившихся в США.

- Государственный департамент усилил предупреждения в письмах заявлением о том, что «в случае победы коммунистов... продолжение каких-либо разговоров об оказании помощи со стороны США невозможно». Итальянские левые были вынуждены постоянно убеждать избирателей, что этого на самом деле не случится; это, в свою очередь, вдохновило американских чиновников, включая госсекретаря Джорджа Маршалла, все чаще озвучивать угрозу. (В 1953 году Маршалл был награжден Нобелевской премией мира.)

- Государственный департамент США поддерживал ежедневную серию прямых радиоэфиров на коротких волнах в Италии с участием именитых американцев.

(По подсчетам госдепа, в Италии с 1946 года насчитывалось 1,2 миллиона коротковолновых приемников.) Министр юстиции США в эфире уверял итальянский народ, что парламентские выборы являются «выбором между демократией и коммунизмом, между Богом и безбожием, между порядком и хаосом». Уильям Донован, руководитель Управления стратегических служб (УСС, предшественник ЦРУ) в период Второй мировой войны, предупреждал, что «под властью коммунистической диктатуры в Италии» многие «национальные промышленные предприятия будут закрыты, оборудование демонтировано и отправлено в Советский Союз, такая же участь ждет и миллионы итальянских рабочих, которые будут высланы туда для принудительного труда». Если и этого было недостаточно, чтобы произвести впечатление на итальянских слушателей, то к микрофону в большом количестве приглашались никому не известные беженцы из Восточной Европы, которые с большим энтузиазмом пересказывали кошмарные истории, якобы случившиеся за «железным занавесом».

- Некоторые коммерческие радиостанции транслировали на территории Италии специальные церковные службы, проходившие в американских католических церквях, где молились за благополучие Папы Римского в «этот наиболее трудный для него час». На одной радиостанции в течение всей недели сотни «итальянских американцев» из всех слоев общества транслировали на Италию одноминутные сообщения при помощи коротковолнового передатчика.

Радиостанция WOY в Нью-Йорке пригласила невест итальянских военных, чтобы записать на пленку личные сообщения своим семьям с просьбой о возвращении домой. Затем эти сообщения были отправлены почтой в Италию.

- Радиостанции «Голос Америки» резко увеличила количество ежедневных эфиров на территории Италии, на первый план которых выносились новости об американской помощи или иных дружеских жестах в адрес Италии. Целый небосклон звезд шоу-бизнеса, включая Фрэнка Синатру и Гари Купера, принял участие в записи ряда радиопередач, задуманных с целью заполучить новых союзников и повлиять на ход голосования в Италии. В эфир вышло пять передач с итало-американскими домохозяйками. Также в эфир приглашались американцы итальянского происхождения, которые ранее придерживались левых взглядов. Лидер профсоюза Луиджи Антонини призывал итальянцев «сокрушить московскую пятую колонну», представители которой «следуют приказам свирепых московских тиранов», в противном случае Италия станет «вражеской тоталитарной страной».

В ответ на обвинения итальянских коммунистов в адрес США в связи с ограничениями в правах негров, радиостанция «Голос Америки» передала в эфир историю негритянской пары, которая нажила состояние на переработке отходов и построила больницу для «своих» людей в Оклахома-Сити (стоит отметить, что в 1948 году американские негры еще не достигли социального статуса граждан даже второго сорта).

- Итальянские радиостанции транслировали одночасовое шоу из Голливуда, записанное с целью сбора денег для сирот итальянских пилотов, которые погибли на войне.
- Американские чиновники в Италии широко распространяли листовки, расхваливающие экономическую помощь США, и организовывали выставки для малообеспеченных граждан. Американское информационное агентство осветило выставку под названием «Рабочий в Америке», а также широко использовало и распространяло документальные и художественные фильмы для восхваления американского образа жизни. Было подсчитано, что в период, непосредственно предшествующий выборам, более пяти миллионов итальянцев каждую неделю смотрели американские документальные фильмы. Голливудский художественный фильм 1939 года «Ниночка», высмеивающий жизнь в Советской России, выбрали как особенно эффективный. Его показывали повсюду среди рабочих, и коммунисты предприняли ряд решительных попыток, чтобы предотвратить широкие показы. После выборов прокоммунистические рабочие говорили: «Ниночка нас подвела».
- Министерство юстиции США официально заявило, что тем итальянцам, которые вступили в коммунистическую партию, будет отказано в возможности эмигрировать в Америку, о чем мечтало большое количество итальянцев. Госдепартамент США уведомил, что любому итальянцу, в отношении которого доподлинно известно, что он голосовал за коммунистов, не разрешат въезд в Америку, этот «рай на земле». В телеграмме Минюста, адресованной одному нью-йоркскому политику, было сказано: «В соответствии с эмиграционным законодательством, голосование за коммунистов является основанием говорить о связи с коммунистической партией, а это, в свою очередь, ведет к выдворению из Соединенных Штатов Америки». Говорилось о необходимости всякий раз подчеркивать такие заявления государственных органов власти в направляемых в Италию письмах.

- Президент Трумэн обвинил Советский Союз в заговоре с целью порабощения Западной Европы и призвал к всеобщей военной подготовке в Соединенных Штатах, а также возобновлению срочной службы для предотвращения «грозящего коммунистического господства и установления полицейского государства». Во время кампании американские и британские военные корабли можно было часто наблюдать на якорной стоянке вблизи итальянских портов. Журнал «Тайм» в одном из своих изданий, которое широко распространялось и комментировалось в Италии незадолго до выборов, поддержал мнение, что «США должны ясно дать понять: в случае необходимости они применят силу, чтобы не допустить изменения Италией политического курса в сторону коммунизма» [8]. Соединенные Штаты и Италия подписали десятилетнее соглашение о «Дружбе, торговле и сотрудничестве». Это было первым соглашением такого рода, которое США заключило со времен войны, что подчеркивалось специально для итальянского «потребления».
- «Поезд дружбы», собирая подарки, совершил поездку по Соединенным Штатам, а затем проехал через всю Италию, раздавая их. Поезд был окрашен в красный, белый и синий цвета, на него были нанесены изображения, символизирующие дружеские чувства американского народа к итальянцам.
- Правительство Соединенных Штатов заявило, что оно одобрит внешнее правление Италии над некоторыми ее бывшим африканскими колониями, такими как Эфиопия и Ливия; это было совершенно нереалистичное предложение, так как внешнее правление не могло быть осуществлено в послевоенном мире. (Советский Союз внес аналогичное предложение.) США, Великобритания и Франция разными манипуляциями вынудили Советский Союз в третий раз наложить вето в отношении принятия Италии в качестве полноправного члена ООН. В первый раз советское руководство возражало, основываясь на отсутствии подписанного мирного договора с Италией. После его подписания в 1947 году Советский Союз заявил, что Италия могла бы быть принята в качестве полноправного члена ООН, если другие противники СССР времен Второй мировой войны, такие как Болгария, Венгрия и Румыния, также стали бы членами организации. США, Великобритания и Франция предложили Советскому Союзу провести переговоры по вопросу о возвращении Триеста Италии. Ранее, по условиям мирного договора, основной итальянский порт на Адриатическом побережье Триест, расположенный на границе с Югославией, стал «вольным городом». Одобрение Советского Союза было необходимо, чтобы изменить это соглашение, и предложение Запада было разработано с целью поставить Москву в затруднительное положение. Для итальянцев Триест был важным символом – если бы СССР отклонил предложение, это могло серьезно затруднить работу

итальянских коммунистов. Вместе с тем согласие Советского Союза настроило бы против себя их югославских союзников. США требовали от русских ответа, но его так и не последовало. Тянуть с ответом до окончания выборов, с точки зрения советского правительства, было самым очевидным и самым безопасным путем, по которому следовало двигаться. И все же всего лишь за пять дней до голосования они приняли решение объявить о своем отказе от предложения. Таким образом, Москва забила очередной гвоздь в «гроб» Народно-демократического фронта.

- Премьер-министру де Гаспери был направлен «Манифест мира для свободлюбивых итальянцев», призывающий не принимать коммунизм. Среди подписавших его людей были два бывших госсекретаря США, бывший заместитель госсекретаря, бывший министр юстиции, бывший судья Верховного суда, экс-губернатор Нью-Йорка, прежняя первая леди Элеонор Рузвельт и многие другие влиятельные персоны. Это сообщение было повсеместно опубликовано в Италии. Публикация американских сообщений в итальянской прессе была делом весьма легким, так как примерно 82 процента итальянских газет находились в руках противников левого блока.
- Более 200 американских профсоюзных лидеров итальянского происхождения провели съезд, результатом которого стала телеграмма, отправленная в 23 ежедневные газеты по всей Италии. В телеграмме содержался призыв выразить категорическое несогласие с красными. В то же время итало-американский трудовой совет внес 50 000 долларов в антикоммунистические трудовые организации Италии. ЦРУ и до этого тайно субсидировало такие профсоюзы, чтобы противодействовать влиянию левых объединений, [9] – это было постоянной практикой Центрального разведывательного управления вне зависимости от выборов. По словам бывшего сотрудника ЦРУ, когда в 1945 году коммунисты едва не получили контроль над профсоюзами сначала на Сицилии, а затем во всей Италии и Южной Франции, Управление стратегических служб США и мафия, тесно сотрудничавшие, успешно этому воспрепятствовали [10].
- ЦРУ, по его собственным поздним подтверждениям, предоставило один миллион долларов итальянским «центристским партиям», что являлось значительной суммой для Италии в 1948 году [11], хотя в другом отчете фигурирует сумма в 10 миллионов долларов. Также УСС подделывало документы и письма, якобы приходящие из ИКП и написанные так, чтобы выставить партию в неприглядном свете и дискредитировать ее лидеров; анонимные книги и статьи в журналах, финансируемые ЦРУ, в ярких деталях рассказывали о

воображаемой коммунистической деятельности в Восточной Европе и Советском Союзе; брошюры разносили слухи об интимной и частной жизни кандидатов ИКП, а также занимались антицерковной и/или фашистской клеветой в их адрес [12].

- Американская группа, с особо оговоренным присутствием в ней итало-американских музыкантов, поехала в Рим, чтобы представить серию концертов.
- За месяц до выборов президент Трумэн объявил о передаче 29 торговых судов итальянскому правительству в качестве «жеста дружбы и уверенности в итальянской демократии». (Это были итальянские корабли, захваченные во время войны, а также другие – в замещение захваченных и утерянных.)
- Четыре дня спустя комиссия по бюджетным ассигнованиям США в короткие сроки одобрила выделение 18,7 миллиона долларов для дополнительного финансирования «временной помощи» Италии.
- Еще две недели спустя Соединенные Штаты предоставили Италии 4,3 миллиона долларов в качестве первой выплаты для 60 000 бывших итальянских военнопленных, которые находились в США на «добровольных» работах.
- За шесть дней до начала выборов государственный департамент сделал публичное заявление о скорой выдаче Италии золота в размере 31 миллиона долларов США взамен золота, украденного нацистами. (Тот факт, что всего несколькими годами ранее Италия была «врагом», сражающимся на стороне нацистов, остался лишь туманным воспоминанием.)
- Два дня спустя американское правительство утвердило две дополнительные крупные поставки продовольствия в Италию, одна из которых, с Грузом зерна, оценивалась в 8 миллионов долларов. Многие суда с гуманитарной помощью по прибытии в Италию во время избирательной кампании разгружались прямо во время официальной церемонии и речи американского посла.

Броские плакаты гласили: «Хлеб, который мы едим, содержит 40 процентов итальянской муки и 60 процентов американской, присланной нам безвозмездно». Правда, забыли упомянуть, пошли ли сэкономленные средства потребителям или служили для «набивания карманов» пекарен.

- За четыре дня до выборов американская комиссия по восстановлению итальянских памятников объявила о дополнительной серии грантов итальянскому министерству искусств.
- «Американские сторонники свободной Италии» провозгласили 15 апреля Свободным днем Италии с дальнейшим общенародным соблюдением правил его проведения.
- Американский посол Джеймс Клемент Данн (James Clement Dunn) ездил по всей Италии, напоминая «при каждом возможном случае, что американская помощь значила для жителей и их страны». При разгрузке последней партии продовольствия Данн заявил, что американский народ спасает Италию от голода, хаоса и возможного господства извне. Его речи обычно получали широкое освещение в «нелевой» прессе. При этом итальянское правительство запретило нескольким послам, находившимся за границей, возвращаться домой для проведения кампании в поддержку Народно-демократического фронта.

В исторической речи, произнесенной 12 марта 1947 года, ставшей впоследствии известной как «доктрина Трумэна», президент сказал:

«Я полагаю, что Соединенные Штаты должны поддерживать свободные народы, которые сопротивляются агрессии вооруженного меньшинства или внешнему давлению. Я уверен в том, что мы должны помочь в освобождении народов, дабы они сами могли решать свою собственную судьбу» [13].

Вряд ли нужно подчеркивать, насколько лицемерным оказалось это обещание, но мнения, которые высказывались в Соединенных Штатах против правительственного крестового похода в Италию, были немногочисленны и едва слышимы во всеобщем реве. «Итало-американский комитет за свободные выборы» в Италии провел митинг, осуждающий пропагандистский «налет». На нем было принято заявление о том, что «тысячи американцев итальянского происхождения чувствуют себя глубоко оскорбленными непрерывным потоком предложений, советов и прочим давлением, оказываемым на них, будто они неспособны самостоятельно решить, за кого им голосовать» [14].

Прогрессивная партия США в продолжение этого заявила: «Как истинные американцы, мы отвергаем угрозы правительства о прекращении поставок продовольствия в Италию до тех пор, пока нас не устроят результаты выборов. Дети не должны оставаться голодными из-за того, что их родители не голосуют по указанию за границы» [15]. Кандидатом от партии на пост президента в 1948 году был Генри Уоллес, бывший вице-президент, который являлся искренним сторонником полной разрядки политической напряженности с Советским Союзом. История не дает нам возможности четко сказать, какая реакция была бы среди тех, кто не видел ничего неправильного в деятельности Соединенных Штатов в Италии, если бы подобную кампанию развернули Советский Союз или итальянские левые в Соединенных Штатах от имени Уоллеса.

Хотя некоторые итальянцы время от времени полагали, что сам Сталин являлся основным кандидатом Народно-демократического фронта, фактическое советское вмешательство в выборы едва заслужило хоть одного газетного заголовка. Американская пресса выдвигала предположения, что русские вносили существенные денежные суммы в кассу коммунистической партии. Однако обзор, выполненный итальянским бюро «Юнайтед-пресс», показал, что антикоммунистические партии потратили в 7,5 раза больше, чем НДФ на все виды пропаганды; одни только христианские демократы потратили в четыре раза больше средств [16]. По поводу прочей советской деятельности Говард К. Смит поделился следующими своими наблюдениями:

«Некоторое время русские пытались ответить малочисленными слабыми жестами: освободили нескольких итальянских военнопленных; направили в Италию газетную бумагу в качестве помощи всем партиям для проведения ими своих кампаний. Но никакого шанса у них не было.

Есть основания полагать, что русские сочли происходящее шоу слишком грубым для них и фактически стали опасаться возможной американской и британской реакции в случае победы коммунистов в выборах. (Также в течение месяца после итальянских выборов СССР выразил беспокойство по поводу конфликта с Западом в одном из знаменитых писем Коминформа, адресованных Тито, с обвинением югославов в попытке вовлечь Советский Союз в конфликте западными державами, хотя «должно быть известно... что СССР после такой тяжелой войны не может вступить в новую».) [17]

В качестве доказательства, на которое косвенно ссылался Смит, приводился отказ СССР от принятия предложений по Триесту. Во время этого события газета «Нью-Йорк таймс» сообщила: «Неожиданное решение заставило некоторых экспертов прийти к заключению, что русские сбросили Итальянскую коммунистическую партию с корабля» [18]. Партийной газете трудно было тягаться с этой историей. К тому же, стремясь подорвать фундаментальные предпосылки итальянской предвыборной кампании, Вашингтон сделал так, чтобы все считали, что итальянская коммунистическая партия и Советский Союз совершенно не различались в целях и средствах – как в акции «покупая одну, вторую получаете в подарок». Таким образом, было выдвинуто предложение, что, возможно, отказ Советского Союза являлся всего лишь тактическим ходом, который должен был продемонстрировать, что США не могут сдержать свое обещание по Триесту. Но такое решение Советского Союза не сопровождалось никакими громкими заявлениями, поэтому непонятно, почему русские ждали несколько недель до приближения развязки, чтобы нанести сокрушительный удар своим итальянским товарищам. В любом случае, Соединенные Штаты выставили себя в гораздо лучшем свете, чем СССР.

Когда «Бродвейское шоу» завершило свое выступление в Италии, христианские демократы занимали позицию явных лидеров с 48 процентами голосов. Левая коалиция была раздавлена совершенно неожиданным результатом голосования, составившим 31 процент избирателей, несмотря на все выстроенные препятствия. Это был своеобразный итог крестового похода, концепцию которого британский лидер лейбористской партии Эньюрин Бивен (Aneurin Bevan) приписывал консерваторам: «Все искусство консервативной политики в XX столетии, – писал он, – сводилось к тому, чтобы заставить богатых убедить бедных использовать их политическую свободу для сохранения власти богатых».

3. Греция, 1947–1950

От колыбели демократии до государства-сателлита

Хорхе Семпрун (Jorge Semprun) – французский и итальянский писатель-романист, сценарист, бывший коммунист и узник Бухенвальда, находясь в 1944 году с другими членами партии в этом нацистском концлагере, услышал следующую новость:

«Последние несколько дней мы не говорили ни о чем другом... Вначале некоторые из нас думали, что это ложь. По-другому и быть не могло. Очередное изобретение нацистской пропаганды для поднятия боевого духа своего народа. Мы слушали выпуски новостей немецкого радио, доносящиеся из всех репродукторов, и кивали головами. Должно быть, это был трюк, чтобы поднять моральный дух немцев. Но вскоре нам пришлось смириться с доказательствами. Некоторые из нас втайне слушали трансляции союзников, подтверждавшие эту новость. Не оставалось никаких сомнений в том, что британские войска действительно громили греческое движение сопротивления. В Афинах шли бои, британские войска зачищали город от войск ЭЛАС (Народно-освободительной армии Греции) район за районом. Это была неравная схватка, поскольку у армии ЭЛАС не было ни танков, ни самолетов.

Но московское радио ничего об этом не сообщало, и это молчание воспринималось по-разному» [1].

Британская армия вошла в Грецию в октябре – ноябре 1944 года, вскоре после того, как основная часть немцев спаслась бегством. Существенную роль в разгроме фашистов сыграла Народно-освободительная армия – ЭЛАС. Основанная в период с 1941 по 1942 год по инициативе Коммунистической партии Греции, ЭЛАС и ее политическое крыло Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ) распространили свое влияние на всю левую часть политического спектра, насчитывая в рядах своих последователей множество священников и даже несколько епископов. Партизаны освободили многие районы страны от немецко-фашистских захватчиков, разгромивших британцев в 1941 году.

Партизаны ЭЛАС и ЭАМ бывали беспощадны к грекам, отказывающимся сотрудничать с ними или подозреваемых в коллаборационизме с немцами. Другим примером освободительных последствий входе войны стало и отвержение консервативных устоев греческого общества; на их месте возникали общины, имевшие по крайней мере подобие самоуправления. Зарождались институты и механизмы, которые могли бы стать предвестниками обновленного греческого общества после войны. Возникла система образования – возможно, и опиравшегося на пропаганду, но в целях избавления от неграмотности. Формировались женские батальоны, в которых домохозяйки впервые действовали независимо от своих мужей. Это явление наблюдалось

повсеместно, и численность ЭАМ достигла одного-двух миллионов человек при общей численности населения Греции в семь миллионов [2].

Этот вид общественного порядка не мог не вызывать беспокойства британских политиков (таких как Уинстон Черчилль), уже давно считавших Грецию своей вотчиной. Черчилль решил, что греческого короля следует вернуть на свое законное место со всеми сопутствующими привилегиями. И британские войска в Греции немедленно приступили к формированию такого правительства. Монархисты, коллаборационисты и консерваторы всех мастей оказались в органах политической власти, доминируя в новой греческой армии и полиции, в то время как члены ЭАМ/ЭЛАС были уничтожены либо брошены в тюрьмы [3].

В начале войны, когда главной целью союзников был разгром нацистов; Черчилль обращался к членам ЭЛАС, называя их «доблестными партизанами», а сторонники ЭЛАС в начале ноября 1944 года встречали англичан транспарантами с надписью «ЭАМ приветствует храбрую английскую армию» [4].

Но уже в следующем месяце начались бои между ЭЛАС и британскими войсками, с участием на британской стороне тех греков, которые воевали против ЭЛАС во время войны и одновременно сотрудничали с немцами или же просто служили у немцев. Министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин признал в августе 1946 года, что в новой греческой армии в тот момент служили 228 бывших эсэсовцев, основной задачей которых было выслеживание греческих борцов сопротивления и евреев [5]. Дальнейшая поддержка кампании против ЭЛАС была оказана ВВС и ВМС США, которые переправили в Грецию свыше двух английских дивизий [6]. Все это происходило в то время, когда война против Германии все еще бушевала в Европе.

В середине января 1945 года ЭЛАС согласилась на перемирие, на тот момент выглядевшее как признание капитуляции и имевшее соответствующий эффект. Среди историков существуют разногласия на этот счет. Одни полагают, что ЭЛАС потерпела военное поражение. По мнению других, коммунисты в рядах ЭЛАС и ЭАМ получили от Сталина указание сложить оружие. Если последнее и было настоящей причиной, то это связано с соглашением между

Сталиным и Черчиллем в октябре 1944 года, в результате которого сферы влияния в Восточной Европе были поделены между двумя державами. В результате этой циничной (по признанию Черчилля) игры англичане высадились в Греции. Черчилль позднее писал, что Сталин «придерживался строгого и

добросовестного соблюдения нашего октябрьского соглашения, и в течение всех долгих недель борьбы с коммунистами на улицах Афин ни одного слова упрека не раздалось со страниц газет «Правда» или «Известия» [7]. Об этом молчало также и московское радио, как ранее отмечал Хорхе Семпрун.

В своей знаменитой книге об истории холодной войны профессор Д. Ф. Флеминг отметил: «Важно помнить, что Греция стала первой из освобожденных стран, насильственно вынужденной принять политическую систему оккупирующей ее великой державы. Именно Черчилль начал первым действовать подобным образом, а Сталин последовал его примеру в Болгарии, а затем и в Румынии, хотя и с меньшим кровопролитием» [8].

Последовала череда греческих правительств, управлявшая страной с благоволения Великобритании и Соединенных Штатов. Насквозь коррумпированные греческие власти продолжили терроризировать левых, подвергая их пыткам в трагически известных тюремных лагерях на островах, и не делали ничего, чтобы облегчить ежедневные страдания греческого народа от последствий войны [9]. «В современном мире сложно найти столь же плохое правительство, как это», – писал в то время главный корреспондент Си-би-эс в Европе Говард К. Смит [10].

Осенью 1946 года случилось то, что должно было случиться: левые собрались с силами, чтобы начать второй этап гражданской войны. Коммунисты вышли из-под контроля Сталина, поскольку на карту были поставлены их личное выживание и спасение всего, во что они верили.

Англичане были отягощены собственными проблемами по восстановлению послевоенной страны. В феврале 1947 года они сообщили США, что больше не могут брать на себя содержание многочисленного военного контингента в Греции, а также обеспечивать крупномасштабную военную и экономическую помощь стране. Таким образом, историческая задача «сохранить все достойное и хорошее, что есть в западной цивилизации», перешла в руки Вашингтона.

Спустя несколько дней в Госдепартамент вызвали поверенного в делах Греции в Вашингтоне и сообщили ему, что его правительство должно обратиться к США с просьбой о помощи. Требовалось написать официальное письмо с просьбой о помощи, и такой документ появился. Как оказалось, он был подготовлен Госдепартаментом США. Текст этого письма, как позже сообщил поверенный, «был разработан с учетом менталитета членов Конгресса США. Это письмо

также оправдывало действия американской администрации в ответ на обвинения как внутри страны, так и за ее пределами в том, что США проявили инициативу и вмешались в дела иностранного государства, и в том, что Вашингтон согласился принять такое плохое наследие у Лондона. Документ послужил также основой для формирования общественного мнения, которое внимательно изучалось» [11].

В июле в письме главе Американской миссии помощи Греции (AMAG) Дуайту Грисвольду (Dwight Griswold) госсекретарь Джордж Маршалл писал:

«Возможно, что во время Вашего пребывания в Греции Вы и посол придете к выводу, что эффективность Вашей миссии повысится, если будет осуществлена реорганизация греческого правительства. Если такое решение будет принято, остается надеяться, что Вы и посол сможете способствовать проведению реорганизации настолько осторожно, что даже политические лидеры Греции будут считать, что реорганизация проводится в основном их собственными силами, а не под давлением со стороны» [12].

Госсекретарь снабдил Грисвольда, которого «Нью-Йорк таймс» вскоре назвала «самым влиятельным человеком в Греции», дополнительными указаниями [13]:

«В ходе Вашей работы Вы и члены Вашей миссии будете сталкиваться время от времени с тем, что некоторые греческие чиновники в силу своей некомпетентности, несогласия с Вашей политикой или по какой-то другой причине не захотят сотрудничать в той степени, которая необходима для достижения Ваших целей. От таких чиновников необходимо избавляться» [14].

Однако такие планы были отнюдь не самыми циничными в американской деятельности. Вашингтонские лидеры хорошо знали, что зависимое от них новое греческое правительство было настолько продажным и с таким презрением относилось к соблюдению прав человека, что этому ужасались даже самые ярые американские антикоммунисты. Возьмем, к примеру, сообщения влиятельного обозревателя Стюарта Олсопа (Stewart Alsop). Так, 23 февраля 1947 года Олсоп телеграфировал из Афин о том, что у большинства греческих политиков «нет большего желания, кроме как испробовать все прелести свободной экономики за

счет американцев» [15]. В том же году американцы провели расследование и обнаружили огромные запасы продовольственной помощи, гнившей на складах, – в то время, когда от недоедания страдали 75 процентов греческих детей [16].

Такое состояние дел было так трудно приукрасить, что президент Трумэн в своем обращении к Конгрессу в марте 1947 года с просьбой о выделении Греции помощи на основании греческого «запроса» (речь «Доктрина Трумэна»), попытался упредить критику, признав, что греческое правительство «не идеально» и «допускает ошибки». Но так или иначе, по некоей идеологической схеме, известной только президенту, режим в Афинах считался «демократическим», а его противники – «террористами» [17].

В той речи не было ни единого упоминания о Советском Союзе, но в последующие два с половиной года неустанным рефреном Вашингтона стало утверждение, что русские подстрекают греческих левых и пытаются таким образом затащить за железный занавес еще одну «свободную» страну.

Соседние коммунистические страны, такие как Болгария, Албания и, в частности, Югославия, отчасти движимая старыми территориальными претензиями к Греции, помогали повстанцам, предоставляя им убежище на своих территориях и снабжая оружием (существенно или символически – это спорный вопрос). Однако СССР в лице Иосифа Сталина был категорически против оказания помощи греческим товарищам. По свидетельству Милована Джиласа, второго человека после Тито в югославском руководстве, на встрече с лидерами Югославии в начале 1948 года (за несколько месяцев до разрыва отношений между Югославией и Советским Союзом) Сталин обратился к министру иностранных дел Эдварду Карделю (Edvard Kardelj) и спросил: «Верите ли вы в успех восстания в Греции?» Кардель ответил:

«Только в том случае, если объем иностранного вмешательства не возрастет и не будут совершены серьезные политические и военные ошибки».

Сталин продолжал, не обращая внимания на мнение Карделя:

«Если, если! Нет, у них совершенно нет шансов на успех. Вы думаете, что Великобритания и Соединенные Штаты – США, самое могущественное государство в мире – позволят вам разрушить их линии коммуникаций в Средиземноморье? Чепуха. К тому же у нас нет флота. Восстание в Греции должно быть прекращено, и как можно скорее» [18].

Первая крупная партия военной помощи в рамках новой американской операции была поставлена летом 1947 года. Значительные объемы были отправлены греческому правительству из США еще в то время, когда в стране хозяйничала Великобритания. К концу года греческие военные полностью обеспечивались американцами, начиная от обмундирования и заканчивая продовольствием. Национальный военный потенциал Греции был полностью переоснащен: происходило постоянное увеличение численности греческих вооруженных сил, а также истребителей-бомбардировщиков, эскадрилий транспортной авиации, аэродромов, напалмовых бомб, безоткатных орудий, военно-морских патрульных судов, коммуникационных сетей, доков, железных и автомобильных дорог, мостов. На поставки и оборудование были потрачены сотни миллионов долларов, и к концу Второй мировой войны сумма расходов приближалась к миллиарду. Еще миллионы были потрачены на создание «тайной резервной армии» – боевых частей, состоявших в основном из бывших эсэсовцев, о которых упоминалось ранее [19].

Военная миссия США взяла в свои руки разработку военных планов для греческой армии, оставив не у дел непригодных для этого греческих генералов. По словам британского военного писателя майора Эдгара О'Бэланса (Edgar O'Ballance), миссия «заняла жесткую позицию и настаивала на том, чтобы все ее рекомендации выполнялись тотчас и в полном объеме» [20]. В стране служили более 250 офицеров армии США, многие из которых были приписаны к дивизии сухопутных войск Греции для обеспечения надлежащего исполнения американских директив; другие действовали на бригадном уровне. Еще около 200 военнослужащих ВВС и ВМС США также находились на военной службе в Греции.

Все военные методы и программы подготовки были «пересмотрены, обновлены и подтянуты до предела» под американским контролем [21]. Подразделения пехоты стали более мобильными, а их огневая мощь возросла; специальные подразделения коммандос обучались тактике ведения боевых действий против партизана, греческие войска – особенностям ведения боевых действий в горах (4000 мулов было поставлено в Грецию из США для этих целей). По настоянию

Вашингтона, для того чтобы лишить партизанские отряды естественной базы и источников поступления новобранцев, с места постоянного проживания были насильственно выселены жители целых районов. Двадцать лет спустя во Вьетнаме будет использована та же тактика.

«Американская поддержка становилась все более активной и на земле, и в воздухе, – писал С. М. Вудхаус (С. М. Woodhouse), британский полковник и историк, служивший в Греции в середине 1940-х, – и грань между действиями советников, разведки и боевыми действиями была абсолютно тонкой» [22].

Греческие левые продержались три страшных года. Несмотря на потери многих десятков тысяч бойцов, они всегда имели возможность пополнять свои силы и даже увеличивать их численность. Но к октябрю 1949 года, предвидя еще большие потери от превосходящей их по мощи машины уничтожения, партизаны объявили по радио о «прекращении огня». Это был конец гражданской войны.

Степень господства США над Грецией, начавшегося с 1947 года, трудно переоценить. Мы знакомы с директивами Маршалла в адрес Грисвольда и с тем, как американцы руководили данной военной кампанией. Были и многие другие проявления этой политики.

Так, в сентябре 1947 года заместитель премьер-министра Константинос Цалдарис согласился на роспуск правительства и создание новой правящей коалиции. Как сообщала «Нью-Йорк таймс», Цалдарис пошел на это, «уступив желанием Дуайта П. Грисвольда, американского посла МакВига, а также короля» [23]. Прежде чем Цалдарис смог обратиться к греческим законодателям по данному вопросу, МакВиг (MacVeagh) вмешался и внес изменения в его речь [24].

В течение последующих нескольких лет смена премьер-министров в Греции происходила довольно часто, и каждый раз только после достаточно активного вмешательства американцев, если не по прямому их требованию [25]. Один из таких прецедентов произошел в 1950 году, когда тогдашний американский посол Генри Грейди направил премьер-министру Венизелосу послание, в котором угрожал прервать поставки американской помощи в случае, если тот не проведет реорганизацию правительства. Венизелос был вынужден подать в отставку [26]. Американское влияние также ощущалось и в отношении других высокопоставленных деятелей греческого общества. Андреас Папандреу,

который позднее сам стал премьер-министром, писал об этом периоде: «Члены правительства и армейские генералы, лидеры политических партий и влиятельные личности открыто исполняли все американские пожелания и выстраивали свои действия с учетом мнения американцев» [27].

Прежде чем начать новый этап репрессий против инакомыслящих в июле 1947 года, греческие власти обратились к послу МакВигу. Посол сообщил, что правительство США не будет возражать против «превентивных мер, если они будут считаться необходимыми». Успокоенные этими заверениями, греки раскрутили маховик репрессий так, что число обвиняемых достигло за одну неделю 4000 человек [28].

Примером того, как греческий гражданин мог оказаться в тюрьме, может служить дело члена ЭАМ, осужденного на 18 месяцев за газетные высказывания, показавшиеся Дуайту Грисвольду оскорбительными. Автор назвал американца «официальным представителем иностранного государства» [29].

«В экономической сфере», как писал Андреас Папандреу, Соединенные Штаты «в начале пятидесятых годов осуществляли почти диктаторский контроль, требуя, чтобы на каждом важном документе рядом с подписью греческого министра по координации стояла подпись руководителя американской экономической миссии» [30].

До этого американское управление экономикой, возможно, было еще более жестким. В памятной записке, направленной из Афин Американской миссией помощи Греции в адрес Госдепартамента 17 ноября 1947 года, в частности, говорилось: «Мы установили практически полный контроль... над национальным бюджетом, налогообложением, выпуском денег, ценовой политикой и политикой в области заработной платы, государственным экономическим планированием, а также над импортом и экспортом, выдачей иностранной валюты, вектором реорганизации вооруженных сил и расходами по оказанию помощи» [31].

Кроме того, по образу и подобию ЦРУ было создано новое Агентство внутренней безопасности Греции (по-гречески КУР). Вскоре КУР стало использовать практику тайной полиции, включая систематические пытки.

К началу 1950-х Греция была превращена в самого надежного сателлита-союзника Соединенных Штатов. Страна исповедовала ярый антикоммунизм и хорошо вписалась в структуру НАТО. Греция направила свои войска в Корею – в поддержку лукавого заявления Вашингтона о том, что это не только американская война.

Можно с полной уверенностью предполагать, что если былевые пришли к власти, Греция была бы гораздо более независимой отсоединенных Штатов. Греция, скорее всего, была бы независима и от Советского Союза, которому греческие левые ничем не были обязаны. Как Югославия, которая также не имела общей границы с СССР, Греция была бы дружественной по отношению к русским, но независимой страной.

Когда в 1964 году к власти в Греции пришло правительство, провозгласившее свежую идею государственного суверенитета Греции, Соединенные Штаты и их греческие пособники быстро и эффективно искоренили эту ересь. С этим мы ознакомимся в одной из следующих глав.

4. Филиппины, 1940–1950

Старейшая колония США

Я бродил по Белому дому в раздумьях целыми ночами. И мне не стыдно признаться вам, господа, что я опускался на колени, молился Господу Всемогущему и просил его указать мне путь. И вот в одну из таких ночей мне открылось, уж не знаю как, но открылось следующее знание. Во-первых, я понял, что мы не можем вернуть их [Филиппинские острова] обратно Испании, поскольку это было бы трусостью и бесчестьем. Во-вторых, мы не можем передать их Франции или Германии – нашим торговым конкурентам на Востоке. Это было бы невыгодным и постыдным делом. В-третьих, мы не можем не вмешиваться в их дела, ибо они не способны к самоуправлению и в скором времени столкнутся с еще большей анархией и хаосом, которые наблюдались при испанцах. В-четвертых, нам не остается ничего другого, кроме как полностью взять управление над филиппинцами, обучать их, просвещать и приобщать к цивилизации и христианским ценностям, и с божьей милостью делать для них все возможное, как для своих братьев, за которых отдал свою

жизнь Иисус.

Уильям Мак-Кинли, президент США, 1899 год [1]

Намерение Уильяма Мак— Кинли устроить филиппинцам хорошую жизнь свелось к тому, что американские солдаты убивали их десятками тысяч, жгли их деревни, подвергали их пыткам и создали почву для экономической эксплуатации этой страны. Такую политику ведущие государственные деятели и газеты США гордо именовали в то время империализмом.

После изгнания испанцев с Филиппин в 1898 году совместными усилиями американцев и филиппинцев Мадрид согласился «уступить» (следует понимать – продать) США острова за 20 миллионов долларов. Но филиппинцы, уже провозгласившие независимость своей страны, не приняли обращение с собой как с недвижимостью на земельном участке. Тогда, в соответствии с принятым решением, американские войска численностью до 50 тысяч человек приступили к выполнению задачи по внушению населению необходимости признать уготовленный ему статус.

Таким образом, Филиппины оказались самой давней и самой буквальной колонией США.

Почти полвека спустя американские войска вновь высадились на Филиппинах, обнаружив там патриотическое движение, сражающееся против общего врага, на этот раз против японцев. Воюя в 1945 году с японцами, американские войска предприняли множество усилий для того, чтобы разоружить филиппинскую армию сопротивления – Народную антияпонскую армию, или Хукбалахап (по-тагальски – Hukbo ng Bayan Laban sa mga Hapon). Американские войска разоружали подразделения армии сопротивления, уничтожали созданные Хукбалахап органы самоуправления, арестовывали и бросали в тюрьмы активистов движения, а также лидеров Коммунистической партии Филиппин. Партизанские отряды, сформированные и управляемые в основном американскими офицерами и состоящие из американских и филиппинских солдат из та называемых сухопутных войск США на Дальнем Востоке, проводили жестокие полицейские рейды против участников Хукбалахап и их сторонников. Распространялись слухи, порочащие движение сопротивления, чтобы ослабить его поддержку со стороны мирного населения. Японцам же разрешалась безнаказанно нападать на участников Хукбалахап.

Одновременно с этими событиями участники движения сопротивления вели тяжелые бои с японскими захватчиками и филиппинскими коллаборационистами и часто приходили на помощь американским солдатам [2].

В этой кампании против движения сопротивления США пользовались услугами филиппинцев, сотрудничавших с японцами, – землевладельцев и крупных собственников, многих сотрудников полиции и других государственных чиновников. После войны американцы расставили во властных и государственных структурах многих из тех, кто запятнал себя сотрудничеством с японцами, невзирая на отрицательное отношение к ним со стороны филиппинцев-патриотов [3].

Народная антияпонская армия была создана Коммунистической партией Филиппин в ответ на оккупацию островов Японией в 1942 году. Среди американских политиков были такие, кто считал, что Хукбалахап была не чем иным, как инструментом международного коммунистического заговора, и с ней следовало бороться так же, как и с другими подобными группировками. Другие политики в Вашингтоне и Маниле, чья реакция была менее предсказуема, но более цинична, признавали, что движение, если его растущее влияние не взять под контроль, приведет к радикальным реформам филиппинского общества.

Центральное место в политической программе Народной антияпонской армии отводилось земельной реформе. Она была крайне необходима для ориентированного на сельское хозяйство общества. (Время от времени американские официальные лица неискренне заявляли о своей поддержке этой концепции, однако за все время американской оккупации никаких действий в поддержку не предприняли.) Другой задачей программы движения Хукбалахап была индустриализация, осуществлению которой Вашингтон долгое время препятствовал, с тем чтобы американские промышленные компании имели на Филиппинах преференции. Движение Хукбалахап считало, что такие реформы могли бы послужить толчком к началу новой жизни и помогли бы покончить с отсталостью островитян, неграмотностью, ужасающей нищетой и связанными с ней болезнями, в частности туберкулезом и авитаминозом. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщала: «В целом считается, что коммунистическое движение сопротивления Хукбалахап появилось из-за недовольства и бедственного положения крестьян Центрального Лусона (самого крупного острова Филиппинского архипелага)» [4].

В исследовании, подготовленном несколько лет спустя для сухопутных войск США, такое утверждение также присутствовало. Там подчеркивалось, что «главным стимулом деятельности движения Хукбалахап было недовольство крестьян, а не идеи ленинизма» [5].

Тем не менее движение было явной угрозой для неокOLONиального строя на Филиппинах, для американской сферы влияния и для интересов тех филиппинцев, которых устраивало сложившееся положение вещей.

К концу 1945 года, через четыре месяца после окончания Второй мировой войны, Соединенные Штаты уже обучали и вооружали пятидесятитысячную филиппинскую армию для фронтов холодной войны [6]. В своих показаниях перед комитетом Конгресса США генерал-майор сухопутных войск США Уильям Арнольд (William Arnold) искренне заявлял, что эта программа была «необходима для поддержания внутреннего порядка, а вовсе не для отражения атак со стороны внешнего противника» [7]. Ни один из присутствовавших конгрессменов публично не выразил никаких возражений по поводу обоснованности с точки зрения международного права такой внешней политики.

В то же время США держали своих солдат на Филиппинах, где по крайней мере в одной из пехотных дивизий был восстановлен центр боевой подготовки. Это привело к громким протестам со стороны американских солдат, которые хотели лишь вернуться домой. Начало боевой подготовки, как писала «Нью-Йорк таймс», «воспринималось солдатами и некоторыми филиппинскими газетами как подготовка к подавлению возможных восстаний групп недовольных филиппинских крестьян». В статье также говорилось, что солдаты могли многое рассказать «про вооруженное вмешательство США в Китае и Голландской Индии [Индонезии]», происходящее в то же время [8].

В какой степени американские военные принимали непосредственное участие в подавлении оппозиционных групп на Филиппинах после войны, остается неизвестным.

Лидеры Хукбалахап не доверяли ни властям Филиппин, ни США и не собирались добровольно складывать оружие. Тем не менее Народная антияпонская армия решила проверить доброту намерений филиппинского правительства и принять участие в национальных выборах в апреле 1946 года, войдя в «Демократический альянс», состоявший из либеральных и социалистических крестьянских политических групп. Объявление независимости

Филиппин было перенесено на три месяца – на 4 июля. Как оказалось, главнокомандующий Народной антияпонской армии Луис Тарук и несколько других участников альянса и сторонников реформ, выигравшие выборы в конгресс (трое в сенат и семеро в палату представителей), не смогли занять свои места из-за явно сфабрикованного обвинения в том, что на избирателей оказывалось давление в их пользу. Избирательная комиссия не стала проводить ни расследование, ни проверку по данному факту [9]. Спустя два года Таруку временно разрешили занять свое место в конгрессе, когда он приехал в Манилу для обсуждения с правительством положения о прекращении огня.

Цели, которые преследовались этими сфабрикованными обвинениями, были довольно очевидны. Правительство таким образом смогло протолкнуть через конгресс довольно противоречивый Закон о торговле между США и Филиппинами: в палате представителей он прошел благодаря перевесу лишь в два голоса, а в сенате – при минимально необходимом числе голосов. Закон предоставил США щедрые привилегии и концессии на разработку филиппинской экономики, включая «равные права... на разработку природных ресурсов страны и операции с акциями и облигациями государственных предприятий общественного пользования» [10]. Это положение о «равенстве прав» распространилось в конечном итоге на все отрасли экономики Филиппин [11].

После этих сомнительных выборов в отношении крестьян прокатилась волна зверств со стороны военных, полиции и банд головорезов, нанятых землевладельцами. По словам Луиса Тарука, спустя некоторое время после выборов было уничтожено несколько деревень, убито более 500 крестьян и их старост; втрое больше людей было брошено в тюрьмы, где они подвергались пыткам, были искалечены или пропали без вести. Участники движения Хукбалахап и другие оппозиционеры поняли, что у них не остается выбора, кроме как вновь взяться за оружие [12].

Независимость вряд ли кардинально изменила бы сложившуюся ситуацию. Американский историк Джордж Тэйлор (George E. Taylor), обладавший доверием истеблишмента, в своей спонсированной ЦРУ книге все же был вынужден подчеркнуть, что независимость «была отмечена щедрыми выражениями взаимной доброй воли, частично выполненными обещаниями и восстановлением старых отношений практически во всех аспектах... Перед филиппинцами было выдвинуто много требований и условий, обеспечивающих торговое преимущество США, и ни одного условия не ставилось для обеспечения социальных и политических преимуществ самих филиппинцев» [13].

Тем временем американские военные продолжали обустраиваться на Филиппинах. Соглашение от 1947 года предусматривало предоставление мест под 23 военные базы США со сроком аренды на 99 лет. В нем оговаривалось, что американские военнослужащие, совершившие преступления в ходе несения службы за пределами военных баз, могли быть осуждены только американскими военными судами на территории этих баз.

По условиям соглашения о дружественной военной помощи правительству Филиппин запрещалось покупать что-либо, даже патроны, у любых поставщиков вооружений, кроме США, без согласия Вашингтона. Такое положение дел, включающее в себя обязательную подготовку личного состава, техническое обслуживание и поставку запчастей, сделало филиппинские вооруженные силы чрезвычайно зависимыми от Соединенных Штатов. Более того, никому из иностранцев, кроме американцев, не разрешалось выполнять любые задачи в интересах Филиппин или совместно с филиппинскими вооруженными силами без одобрения США [14].

К началу 1950-х годов США поставили на Филиппины военной техники и вооружений на сумму более 200 миллионов долларов – невероятная сумма для того времени. И это вдобавок к строительству различных военных объектов [15]. Объединенная группа военных советников (ОГВС) США реорганизовала разведывательную службу и министерство обороны Филиппин, во главе которого поставила своего человека – Рамона Магсайсая (Ramon Magsaysay). В армии Филиппин были созданы батальонные боевые группы, специально подготовленные для ведения противоповстанческих действий [16]. Филиппины стали экспериментальной лабораторией для такого нетрадиционного вида ведения боевых действий. Методы и терминология в стиле «найти и уничтожить» и «усмирение» позже стали печально известны во Вьетнаме.

К сентябрю, когда на Филиппины прибыл подполковник Эдвард Лонсдейл (Edward G. Landsdale), гражданская война имела все признаки затяжной войны без видимых признаков победы с чьей-либо стороны. Для видимости Лэнсдейл был еще одним американским военным советником из ОГВС, но на самом деле он являлся главой отдела ЦРУ, занимавшегося тайными и диверсионными операциями в стране. Очевидный успех его деятельности на Филиппинах сделал Лэнсдейла признанным авторитетом в вопросах карательно-репрессивных действий по борьбе с повстанческими выступлениями.

В своих поздних воспоминаниях об этом периоде жизни Лэнсдейл высказывал удивление, слыша от своих информированных филиппинских гражданских друзей о репрессиях, к которым прибегало правительство Кирино (Quirino). По их заявлениям, зверства филиппинского правительства были не меньшими, чем приписываемые движению Хукбалахап; правительство погрязло в коррупции (вплоть до постовых полицейских, с чем Лэнсдейл сталкивался лично); сам Кирино в предшествовавший год был избран «благодаря обману и мошенничеству». Друзья Лэнсдейла считали, что «участники движения Хукбалахап были правы», они «представляли будущее», и военные методы борьбы были единственным способом для них заполучить свое собственное правительство. (Как писал корреспондент газеты «Сатердей ивнинг пост», «полиция была бандой воров и насильников в форме, более страшных, чем бандиты... а армия была немногим лучше».) [17]

Но Лэнсдейл был несгибаем. Он приехал делать свою работу. Соответственно, говорил он себе, что если бы к власти пришло движение Хукбалахап, это привело бы лишь к другой форме несправедливости, где в привилегированном положении оказалось бы другое меньшинство, которое поддерживала бы другая еще более жестокая сила. Впоследствии он убедил себя, что работал на стороне тех, кто взял обязательство «защищать свободы человека на Филиппинах» [18].

Как бывший рекламный агент, Лэнсдейл был хорошо знаком с механизмами изучения рыночной конъюнктуры, СМИ, технологиями мотивации и дезинформации. На языке ЦРУ это называется «психологическая война». В итоге Лэнсдейл создал подразделение, получившее название «Отдел по связям с гражданской администрацией и населением». В своей работе отдел отталкивался от посыла, согласно которому народная партизанская армия не может быть побеждена одной лишь силой. В глазах большинства американских офицеров это выглядело новым и довольно странным утверждением.

Команда Лэнсдейла провела тщательное исследование суеверий филиппинских крестьян, проживавших в районе деятельности движения Хукбалахап: их традиционные предания, табу и мифы были изучены для поиска подходящих лозунгов, которые могли бы отвратить их от поддержки повстанцев. Так, в ходе одной из операций люди Лэнсдейла совершали облеты сельских районов на небольшом самолете и под прикрытием облаков вещали по громкоговорителю на тагальском языке таинственные проклятия, которые падут на головы всех жителей деревни, если они будут предоставлять участникам движения сопротивления продовольствие или убежище. Сообщалось, что использование

подобных приемов привело к капитуляции некоторых испытывающих нехватку продовольствия подразделений Хукбалахап [19].

Другая инициированная Лэнсдейлом операция в рамках «психологической войны» была основана на суеверном страхе перед неким асуангом, вампиром, миф о котором бытовал в филиппинской провинции. Отряд по психологической войне прибыл в город и распространил слухи, что асуанг живет на соседнем холме, где базировались отряды Хукбалахап и откуда правительственные войска стремились их выбить. Спустя две ночи после того, как слухи распространились среди сторонников движения сопротивления в городе и добрались до холма, отряд по психологической войне расположился в зарослях рядом с тропой, использовавшейся повстанцами. Когда мимо проходил патруль Хукбалахап, они схватили последнего идущего, проткнули ему шею, симитировав укусы вампира, подвесили его тело за ноги, чтобы стекла кровь, а затем подбросили тело обратно на тропу. Когда повстанцы, очень суеверные, как и другие филиппинцы, обнаружили бескровное тело, они в спешке покинули этот район [20].

Лэнсдейл регулярно, в духе «мозговых штурмов», принятых на населенной пиар-агентствами Мэдисон-авеню, проводил с государственными и военными филиппинскими чиновниками так называемые «кофейные посиделки», в ходе которых обсуждались новые идеи. В результате этих встреч появился на свет «Корпус экономического развития», призванный соблазнить участников движения Хукбалахап программой переселения на их собственные участки с орудиями труда, семенами, денежными займами и т. д. Эти обещания не могли быть выполнены из-за имеющихся земельных проблем, поэтому число откликнувшихся было невелико. Однако принципиальной целью этого аспекта психологической войны было лишить врага его убедительных аргументов [21]. Среди других тактических приемов, изобретенных и усовершенствованных Лэнсдейлом, были: создание фильмов и радиопередач в поддержку действий правительства; проникновение правительственных агентов в ряды движения сопротивления для сбора информации и внесения раскола; попытки прекратить дурное обращение правительственных солдат крестьянами (что касается движения Хукбалахап, то у него с давних времен существовал четкий кодекс правильного поведения партизан по отношению к крестьянам, нарушители которого наказывались); в других ситуациях солдатам правительственной армии разрешалось бесчинствовать в деревнях – маскируясь под участников движения Хукбалахап [22].

Этот тактический прием, как отмечал Л. Флетчер Праути (L. Fletcher Prouty), был «доведен до совершенства на Филиппинах». Солдат направляли с карательными действиями «на ничего не подозревавшую деревню в духе батальных сцен режиссера Сесилия Б. де Милля» [23]. Отставной полковник ВВС США Праути на протяжении девяти лет руководил взаимодействием Пентагона и ЦРУ. Он описал другой сценарий, в котором участники движения Хукбалахап были заклеены как террористы для того, чтобы исказить политический характер их борьбы и подорвать к ним доверие со стороны населения:

«На Филиппинах экономические интересы деревообработчиков и сахарозаводчиков вынудили десятки тысяч простых, отсталых жителей деревень покинуть районы, в которых они проживали веками. Когда эти бедные люди бежали в другие районы, было вполне очевидно, что это приведет к нарушению территориальных прав других сельских жителей и землевладельцев. Это и вело к жестоким массовым беспорядкам или, по крайней мере, спорадическим вспышкам бандитизма – последнему отчаянному средству спасения для умирающих и запуганных людей. Обычно, когда находящееся вдалеке от мест событий правительство узнает о бандитизме и насилии, оно должно дать надлежащее объяснение этому. В последнюю очередь региональное правительство хотело бы сообщить стране, что финансовые интересы в сфере деревообработки и производства бумаги заставляют бежать людей с родовых земель. На Филиппинах принято, что местные/региональные правительства получают 10 процентов взяток со всех предприятий такого рода и еще 10 процентов уходит государственным чиновникам. Таким образом, «инспирированная коммунистами подрывная деятельность» стала самым безопасным для правительства объяснением имевших место событий. На Филиппинах синонимом слова «коммунист» стал боец армии сопротивления Хукбалахап» [24].

Самой коварной частью операции ЦРУ на Филиппинах стала фундаментальная манипуляция политической жизнью страны, характерной чертой которой были фальсификация выборов и компании по дезинформации. Кульминацией этих манипуляций стало избрание в президенты в 1953 году Рамона Магсайся, сговорчивого политика, возглавлявшего ранее министерство обороны.

Считается, что «создал» Магсайся Лэнсдейл [25]. Возглавляемые им, то есть ЦРУ, организации, такие как Национальное движение за свободные выборы,

вели избирательную кампанию на Филиппинах, пользуясь такими привилегиями и такими денежными средствами, что сравнить их можно было лишь с возможностями комитетов Демократической или Республиканской партии США либо очень состоятельного мэра Дэйли в Чикаго. Несмотря на это, газета «Нью-Йорк таймс» в редакторской колонке назвала Филиппины «витриной демократии в Азии» [26].

Однажды сотрудники ЦРУ добавили в напиток оппонента Магсайся и действующего президента Эльпидио Кирино (Elpidio Quirino) наркотическое вещество перед тем, как он выступил с речью. В итоге его речь прозвучала бессвязно и неубедительно. В другой раз, когда Магсайсай попытался настоять на выступлении со своей речью, написанной не людьми из ЦРУ, а филиппинскими спичрайтерами, Лэнсдейл в ярости ударил кандидата в президенты так сильно, что тот потерял сознание [27].

Магсайсай победил на выборах; но еще до выборов ЦРУ контрабандой доставило оружие для организации переворота в случае, если их человек проиграет [28].

Как только Магсайсай приступил к исполнению служебных обязанностей, люди из ЦРУ стали писать для него речи, тщательно контролировать его внешнюю политику. Управление активно использовало свои «ресурсы» в СМИ (проплаченных редакторов и журналистов) для обеспечения постоянной поддержки его политических программ и участия в антикоммунистической кампании в Юго-Восточной Азии, координируемой Вашингтоном, а также для нападок на газетных обозревателей, настроенных против США. Как говорил помощник президента Шерман Адамс (Sherman Adams), Магсайсай был настолько признателен США, что «пообещал Эйзенхауэру, что сделает для США все, что потребуется, – даже если у его министра иностранных дел будет противоположная точка зрения» [29].

Лэнгли использовал практику подборки статей, которые писались агентами-журналистами ЦРУ для провинциальных газет, а затем издавались в ежемесячном дайджесте провинциальной прессы. Далее дайджест направляли парламентариям и другим лицам, формирующим общественное мнение в Маниле, чтобы у них сложилось определенное представление о том, «что думает провинция» [30]. Такая практика, изобретенная ЦРУ для Магсайся, была позже использована подразделениями Управления в ряде других стран третьего мира.

Для нейтрализации главного политического оппонента Магсайся и яростного критика американской политики на Филиппинах Кларо М. Ректо (Claro M. Recto) американцы применили следующий подход. ЦРУ распространило слухи о том, что он был агентом коммунистического Китая, и подготовило упаковки презервативов с надписью «Любезно предоставлено Кларо М. Ректо – другом народа». Однако презервативы были бракованными и имели дырки в самых неподходящих местах [31].

ЦРУ также планировало убийство Ректо путем отравления. От идеи отказались скорее «по прагматическим соображениям, а не из-за угрызений совести» [32].

В 1957 году, после гибели Магсайся в авиакатастрофе, ЦРУ пыталось найти других филиппинских политиков и силы, которые смогли бы работать на Лэнгли или сами предлагали себя в качестве таковых. Одним из них был Диосдадо Макапагал (Diosdado Macapagal), избранный президентом в 1961 году. Макапагал предоставлял ЦРУ политическую информацию в течение нескольких лет и в конце концов попросил и получил то, чего, по его мнению, заслуживал: большую финансовую поддержку для его кампании. Американский «Ридерз дайджест» назвал его избрание «явной демонстрацией демократии в действии» [33].

По иронии судьбы, Макапагал был злейшим противником американского вмешательства в кампанию выборов Магсайся в 1953 году. В то время он постоянно цитировал выдержки из филиппинского закона, который гласил, что «ни один иностранец не имеет права оказывать помощь какому-либо кандидату, прямо или косвенно, либо принимать участие или влиять на любые выборы в какой-либо форме» [34].

Что еще более иронично, в 1957 году правительство Филиппин приняло закон, написанный явно под диктовку американцев, который объявил вне закона как коммунистическую партию, так и Хукбалахап по причине того, что эти организации, добиваются перехода правительства «под контроль и господство иностранного государства» [35].

К 1953 году бойцы движения Хукбалахап были рассеяны и деморализованы и не представляли больше серьезной угрозы, хотя очаги их сопротивления продолжали тлеть еще в течение нескольких лет. Трудно определить, в какой степени спад их активности был связан с традиционными силовыми методами

борьбы с ними, или с еще более нетрадиционными методами Лэнсдейла, или с физическим ослаблением многих членов Хукбалахап от недоедания и болезней, вызванных обнищанием крестьянства. Задолго до своего конца участники Хукбалахап также испытывали нехватку оружия, боеприпасов и военной техники, ставя тем самым под сомнение часто повторяемые обвинения со стороны филиппинских и американских властей о получении филиппинским сопротивлением советской и китайской помощи [36]. Филиппинский историк Эдвард Лачика (Edward Lachica) написал, что «Кремль только на словах поддерживал коммунистическое движение на Филиппинах, хваля Хукбалахап за участие в «глобальной борьбе против США», но никакой материальной поддержки не предлагал» [37].

Как отмечал Джордж Тейлор, «с уничтожением военной мощи Хукбалахап социальная и политическая программы движения, которые могли бы быть реализованы, отошли на второй план» [38].

Впрочем, «американский бастион» надежно закрепился в Юго-Восточной Азии. Именно с Филиппин начнутся американские воздушные и морские действия против Кореи и Китая, Вьетнама и Индонезии. Филиппинское правительство будет направлять войска, чтобы сражаться на стороне Соединенных Штатов во Вьетнаме и Корее. На островных базах тактика и профессиональные навыки ведения противоповстанческих действий будут передаваться войскам других союзников США на Тихом океане.

5. Корея, 1945–1953

Что же это было?

Умереть за идею – бесспорно, благородно. Но было бы куда благороднее умирать за правильные идеи.

Х.Л. Менкен (H. L. Mencken), 1919 год

Как же так получилось, что корейская война обошлась без протестов, сопровождавших войну во Вьетнаме? Ведь все американские преступления во

Вьетнаме имели место в предшествовавшей ему корейской войне: поддержка коррумпированной тирании, злодеяния, напалм, массовые убийства гражданского населения, стертые с лица земли города и деревни, расчетливое управление новостями, саботаж мирных переговоров. Но американский народ был убежден, что война в Корее – это частный случай вторжения одного государства, без каких-либо провокаций, на территорию другого государства. Это представлялось как ситуация, когда плохие парни нападают на хороших парней, которых спасают еще лучшие парни; в ней не было той исторической, политической и моральной неоднозначности, которая стала дилеммой во Вьетнаме. Корейская война, как отмечали, началась по-другому: ранним утром 25 июня 1950 года Северная Корея напала на Южную Корею; в то время как о войне во Вьетнаме никто не знал, как она началась, когда и почему.

Также во время корейской войны почти не звучало обвинений США в «империализме». Ведь Соединенные Штаты участвовали в боевых действиях в составе войск ООН – против чего тут протестовать? Конечно, в начале 1950-х годов в общественной жизни США доминировал маккартизм, сдерживавший любые акции протеста.

Существовали довольно разные интерпретации причин самой войны, ведения и даже обстоятельств ее начала, но все они вскоре ушли в небытие в пылу военной лихорадки.

Сразу после окончания Второй мировой войны СССР и США оккупировали Корею, чтобы изгнать оттуда побежденных японцев. Демаркационная линия между советскими и американскими войсками была проведена по 38-й параллели. Создание этой линии не несло в себе намерения, скрытого или явного, основать два независимых государства, но холодная война вскоре внесла свои коррективы.

Обе державы настаивали на том, что объединение Севера и Юга – это основная и желаемая цель. Однако каждая из сторон хотела видеть этот процесс в соответствии со своими идеологическими установками. Стороны стали вести переговоры, состоявшие из предложений и контрпредложений, обвинений и контробвинений, обильно перемешанных с хитростью и изворотливостью. В результате на протяжении последующих лет никакого соглашения достичь не удалось. Хотя Москва, Вашингтон и лояльные им корейские лидеры не всегда были недовольны разделением страны (поскольку половина страны – это лучше, чем ничего), официальные лица и простые граждане Кореи с обеих сторон

продолжали искренне призывать к объединению страны.

Тот факт, что на момент начала войны Корея все еще была единой страной, перед которой стоял вопрос объединения, подчеркивал глава постоянного представительства США при ООН Уоррен Остин (Warren Austin) в сделанном вскоре заявлении:

«Искусственная граница, разделившая Северную и Южную Корею, не имеет никаких оснований для существования ни с юридической точки зрения, ни с позиции здравого смысла. Ни Комиссия ООН по Корею, ни Республика Корея [Южная Корея] не признают эту границу, и сейчас Северная Корея путем военного вторжения в Республику Корея еще раз опровергла реальность этой пограничной линии» [1].

Две стороны регулярно вступали в столкновения вдоль 38-й параллели на протяжении нескольких лет, поэтому произошедшее тем роковым июньским днем можно считать не более чем эскалацией имевшей место гражданской войны. Правительство Северной Кореи заявило, что в одном лишь 1949 году южнокорейская армия и полиция совершили 2617 вооруженных вторжений на территорию Северной Кореи, включая убийства, похищения, грабежи и поджоги, с целью организации беспорядков и волнений, а также для повышения боеспособности захватчиков. Время от времени, как заявлял Пхеньян, тысячи солдат участвовали в боях, результатами которых стали многочисленные потери [2]. Представитель Госдепартамента США посол по особым поручениям Филип Джессап (Philip C. Jessup), выступая в апреле 1950 года, прокомментировал это так:

«Происходит постоянное вооруженное противоборство между южнокорейской армией и группами бандформирований, проникающими в страну с севера. Происходят вполне реальные бои с участием одной-двух тысяч человек. Если вы окажетесь у этой границы, как оказался я... вы увидите передвижения войск, укрепления и военнопленных» [3].

В этом контексте вопрос «Кто же именно сделал первый выстрел 25 июня 1950 года?» теряет свою значимость. Согласно северокорейской версии, их

вторжение было спровоцировано двухдневными бомбардировками (23 и 24 июня) с южнокорейской стороны, за которыми последовало вероломное нападение Южной Кореи на город Хэджу (Haegu) и другие населенные пункты. Объявление о начале войны было передано по радио Севера позже, утром 25 июня.

Вопреки распространенному в то время мнению, ни одной из групп Организации Объединенных Наций – ни группе военных наблюдателей ООН на местах, ни Комиссии ООН по Корее в Сеуле – не удалось зафиксировать начало военных действий. Патрулирование военных наблюдателей ООН вдоль 38-й параллели закончилось 23 июня. Их заявления о том, что боевые действия начались позже, являются либо предположениями, либо основаны на информации, полученной от южнокорейского правительства или американских военных.

Кроме того, рано утром 26 июня южнокорейское Управление общественной информации объявило, что силы Юга действительно захватили северокорейский город Хэджу. В сообщении говорилось, что нападение произошло тем же утром, но, согласно американской вечерней военной сводке от 25 июня, южная территория к западу от реки Имджин (Imjin) была потеряна на глубину по меньшей мере трех миль внутрь границы, кроме района «контратаки» на Хэджу.

В любом случае, эту военную победу южнокорейской стороны чрезвычайно сложно увязать с официальным мнением Запада, согласно которому северокорейская армия совершила внезапное массированное наступление, занимая на своем пути все населенные пункты и вынуждая войска южнокорейской армии к отступлению в южном направлении.

Впоследствии южнокорейские власти отрицали свой захват Хэджу, объясняя объявление об этой операции преувеличением со стороны армейского офицера. Один историк объяснил это якобы неправильное объявление «ошибкой, вызванной плохой связью, а также попыткой поднять моральный дух южан путем объявления победы». Независимо оттого, что фактически стоит за этим объявлением, очевидно, что заявления южнокорейского правительства относительно начала войны не заслуживают доверия [4].

В западной прессе появилось несколько сообщений о нападении на Хэджу, в которых не упоминается о заявлении южнокорейского правительства и которые могут рассматриваться в качестве независимых подтверждений этого события. Лондонская газета «Дейли геральд» (Daily Herald) от 26 июня сообщала, что, «по

словам американских военных наблюдателей, южане успешно провели освободительную контратаку, проникнув на пять миль в глубь территории на западном побережье и захватив город Хэджу». В тот же день лондонская «Гардиан» (The Guardian) вторила: «Американские официальные лица подтвердили факт захвата войсками Южной Кореи города Хэджу».

26 июня американская «Нью-Йорк геральд трибюн» (New York Herald Tribune) также сообщила о том, что «южнокорейские войска перешли 38-ю параллель, по которой проходит граница, и захватили промышленный город Хэджу к северу от нее. Республиканские войска захватили большое количество боевой техники». Ни один из источников не назвал дату начала конфликта.

25 июня американский писатель Джон Гюнтер (John Gunther) находился в Японии, работая над биографией генерала Дугласа Макартура (Douglas MacArthur). В своей книге он рассказывает, как в городе Никко (Nikko) он изображал туриста вместе с «двумя высокопоставленными лицами» из американской оккупационной администрации, когда одного из них неожиданно вызвали к телефону. Вернувшись, тот прошептал: «Большая новость! Южнокорейцы напали на Северную Корею!». Тем же вечером Гюнтер со своей группой вернулся в Токио, где «несколько офицеров встретили нас на вокзале и четко и с большим пафосом изложили нам суть происшедшего... не было никаких сомнений, что агрессором была Северная Корея».

А телефонный звонок? Гюнтер объясняет это следующим образом: «Возможно, сообщение было искажено при передаче. Первые часы в штабе никто ничего не понимал, и видимо, на людей повлияла явная, разъедающая ложь северококорейского радио» [5]. Из таких объяснений складывается несколько нелепый образ американских военных и дипломатов, каждый из которых, будучи активным антикоммунистом, при этом так легко поверил в явную коммунистическую ложь по такому серьезному вопросу.

Глава Южной Кореи Ли Сын Ман (Syngman Rhee) часто заявлял о своем желании и готовности объединить Корею силой. 26 июня газета «Нью-Йорк таймс» напомнила своим читателям: «Д-р Л и в ходе нескольких встреч заявлял о том, что его армия перейдет в наступление в случае согласия со стороны Вашингтона». Газета также отмечала, что перед началом войны «агрессивная риторика странным образом исходила преимущественно со стороны южнокорейских политических лидеров».

У Ли могла быть и другая веская причина спровоцировать полномасштабную войну, помимо вопроса объединения. 30 мая на юге Кореи прошли выборы в Национальное собрание, на которых партия Ли потерпела тяжелое поражение и потеряла контроль над парламентом. Как многочисленные государственные деятели до и после него, Ли, возможно, решил разыграть военную карту, чтобы укрепить свое шаткое правление. Советник по труду при американской миссии в Корею Стэнли Эрл (Stanley Earl), ушедший в июле в отставку, выразил свое мнение о южнокорейском правительстве как о «репрессивном режиме», который «делал очень мало для помощи людям», и «если бы Северная Корея не вторглась, режим Ли был бы сметен восстанием в самой Южной Кореи» [6].

Советский лидер Никита Хрущев в своих мемуарах пишет, что северо-корейцы действительно рассматривали возможность вторжения на Юг. Он рассказывает об их фактическом вторжении безо всякого упоминания о провокации в тот день. Казалось бы, это дает ответ на поставленный вопрос, однако глава о Кореи из книги Хрущева весьма поверхностна. Это не является серьезным историческим исследованием, да и не может им быть. Как утверждает сам Хрущев: «Мои воспоминания о корейской войне неизбежно отрывочны» (он стал советским лидером уже после войны). Его глава о Кореи не содержит никаких обсуждений предыдущих боевых действий вдоль границы, нет в ней упоминаний об агрессивной риторике Ли Сын Мана, в ней даже не упоминается ставшее решающим отсутствие Советского Союза на заседании Совета Безопасности ООН, которое, как мы увидим, позволило сформировать так называемые войска ООН и вмешаться в военный конфликт. Кроме того, его опубликованные воспоминания являются отредактированной и ужатой версией сделанных им аудиозаписей. Исследование, основанное на сравнении расшифровок аудиозаписей и английского перевода книги, демонстрирует, что рассуждения Хрущева о Кореи действительно отрывочны, но книга не воспроизводит и их. Например, северокорейский лидер Ким Ир Сен встречался со Сталиным, чтобы обсудить с ним свое намерение «пронзить Южную Корею острием штыка». В книге однозначно говорится о том, что «Ким Ир Сен отправился домой, а затем, приняв решение, вернулся в Москву». Однако в расшифровке аудиозаписи Хрущев говорит: «По-моему, была назначена дата его возвращения, или он должен был сообщить нам, когда примет решение. Не помню точно месяц и год, когда Ким Ир Сен приехал и обсудил свой план со Сталиным» [7].

26 июня США предоставили Совету Безопасности ООН резолюцию, осуждающую Северную Корею за ее «неспровоцированную агрессию». Резолюция была

одобрена, хотя и высказывались аргументы, что борьба «между корейцами» должна рассматриваться как гражданская война, а также мнение египетского делегата о том, что следует убрать слово «неспровоцированная», поскольку боевые действия между двумя Кореями продолжались уже давно [8].

Югославия настаивала на том, что «нехватка точной информации не позволяет СБ ООН возложить ответственность на одну из сторон», и предлагала пригласить северокорейскую сторону, чтобы она высказала свою версию произошедшего [9]. Но этого не было сделано. Три месяцами позже министр иностранных дел СССР предложил выслушать обе стороны, но и это предложение было отвергнуто с перевесом в 46 голосов против шести из-за того, что северокорейцы являлись «агрессорами»; в результате приглашение коснулось только Южной Кореи [10].

27 июня СБ ООН рекомендовал странам – членам ООН начать поставки помощи для Южной Кореи, которая необходима для «отражения агрессии». Президент Трумэн уже привел ВМС и ВВС в состояние боевой готовности, тем самым поставив Совет перед свершившимся фактом [11]. Тем самым США использовали тактику, к которой не раз прибегали в случаях, когда в той или иной стране шла война и конца ее не было видно. Совет принял свое историческое решение, основываясь на минимальном объеме информации, специально отобранной для него одной из сторон конфликта. Это было, как выразился журналист И. Ф. Стоун (I. F. Stone), «ни благородно, ни мудро».

Нужно учитывать, что в 1950-е годы ООН не была нейтральной или сбалансированной организацией. Значительное число ее членов зависело от США в вопросах восстановления и развития экономики. Не было блока стран третьего мира, который годы спустя начал проводить гораздо более независимую от США политику. А входившие в ООН четыре страны советского блока не были членами Совета Безопасности [12].

Генеральный секретарь ООН, норвежец Трюгве Ли (Trygve Lie) также не мог расцениваться как нейтральный арбитр в хитросплетениях холодной войны. В своих мемуарах он с поразительной ясностью показывает, что не был сторонним наблюдателем. Его главы о корейской войне – это чистой воды антикоммунизм, хорошо показывающий его маневрирования в этом вопросе [13]. Позже стало известно, что в 1949 году Ли вступил в тайный сговор с Госдепом США, чтобы изгонять из рядов ООН людей, демонстрировавших, по мнению Вашингтона, сомнительные политические взгляды [14].

Принятие подобных резолюций СБ ООН было возможно только в силу того, что Советский Союз бойкотировал его заседания, так как протестовал против того, что Китай в ООН представлен не коммунистическим Китаем, а Тайванем. Если бы русские присутствовали, они без сомнения наложили бы вето на эти резолюции. Их отсутствие всегда создавало некоторую неловкость для тех, кто объяснял северокорейскую агрессию советским влиянием. Как говорится в одной из памятных записок ЦРУ, одно из наиболее распространенных объяснений сводилось к тому, что «русские бросили вызов США, чтобы проверить на прочность американское сопротивление коммунистической экспансии» [15]. Поскольку за время существования Советского Союза тот же самый тезис выдвигался во время каждого столкновения США с левыми силами в любой части света, до и после корейской войны, казалось, что проверка на прочность слишком затянулась и можно задаться вопросом: «Почему Советы так и не пришли ни к каким выводам?».

«Последним штрихом, – писал Т. Ф. Стоун, – должно было стать подчинение миротворческих сил ООН Макартуру. Макартур же ООН не подчинялся. Это было сделано 7 июля в резолюции, представленной совместно Англией и Францией. Обычно таким образом предполагалось установление командования ООН. В действительности ничего подобного сделано не было» [16]. Резолюция рекомендовала «всем странам-участникам, обеспечивающим военную и иную поддержку, перевести свои войска и иные виды поддержки под объединенное командование Соединенных Штатов». Кроме того, резолюция требовала от «США назначить командующего этими силами» [17]. Им должен был стать доблестный Макартур.

Предстояло очередное американское шоу. В операции принимали участие военнослужащие из 16 стран, но, за исключением южнокорейцев, не могло быть никаких сомнений относительно их истинного статуса и функций. Позже Эйзенхауэр писал в своих мемуарах, что когда планировал военное вторжение США во Вьетнам в 1954 году, также как часть «коалиционных усилий», он признавал, что тяжесть операции ляжет на США, «однако символические силы, предоставленные другими странами, как в Корее, придадут моральную репутацию мероприятию, позволяя не рассматривать его как бесчеловечный пример империализма» [18).

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/blum_uil-yam/ubiystvo-demokratii-operacii-cru-i-pentagona-v-period-holodnoy-voyny

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)